PRIX EDMOND FRÉVILLE—PIERRE MESSMER —
ПРЕМИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ
ЗА ЛУЧШУЮ РАБОТУ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Ж. ЛОПЕЗ • Л. ОТХМЕЗУРИ

ЖУКОВ
ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

МАСШТАБНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОТОРОЕ ПРОВЕЛИ АВТОРЫ, ИЗУЧИВ СОТНИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ОТЧЕТОВ И ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ МЕЖДУ 1945 И 2013 ГОДАМИ, ПРИДАЕТ ЭТОЙ КНИГЕ НЕ ПРОСТО ОГРОМНЫЙ ВЕС, НО И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. *VALEURS ACTUELLES*

Жан Лопез

Жуков. Портрет на фоне эпохи

«Центрполиграф»

2013

Лопез Ж.

Жуков. Портрет на фоне эпохи / Ж. Лопез — «Центрполиграф», 2013

Фундаментальный исторический труд посвящен жизни выдающегося военачальника, крупнейшего полководца Второй мировой войны Георгия Константиновича Жукова. Начиная с его детства и юности, проведенных в родной деревне Стрелковка Калужской области, первых лет воинской службы, участия в первых боях, авторы максимально подробно рассматривают военную и государственную деятельность Г.К. Жукова, его решающее влияние на ход Великой Отечественной войны и роль в самой победе над захватчиками. Особое внимание уделяется судьбе Жукова в послевоенный период, его преследованию и последующему взлету. Не скрывая ни достоинств, ни недостатков маршала, исследователи представляют его читателю как человека храброго и целеустремленного.В российской истории Жуков стоит в одном ряду с Суворовым и Кутузовым, его жизнь неразрывно связана с жизнью Красной армии, большевистской партии и Советского Союза. Интерес к его личности не ослабевает, Жуков остается одним из немногих деятелей советской эпохи, почитание которых сохранилось и после крушения системы.

© Лопез Ж., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Предисловие 7
Часть первая 13
Глава 1 13
Жуковы: одной ногой уже вне крестьянского мира 15
Сельская школа, запоздалая культурная революция царизма 17
Идеальное детство… для советской пропаганды 19
Неправдоподобно злой дядя 20
Суровый юноша в суровом мире 23
Война! 25
Молодой человек, не рвущийся идти воевать 27
Глава 2 30
Тяжкая доля солдата-мужика 32
В унтер-офицерской школе 33
Лебединая песня русской императорской армии 34
Отправка на фронт 37
Русская армия устала от войны 38
Революция 1917 года: унтер-офицер Жуков не участвует 41
Единственная программа: вернуться домой! 43
Глава 3 46
Относительно позднее вступление в ряды Красной армии 48
Армия нового типа 50
Кавалерист, засидевшийся в казарме 53
Решающий момент: вступление в партию 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Жан Лопез, Лаша Отхмезури
Жуков. Портрет на фоне эпохи

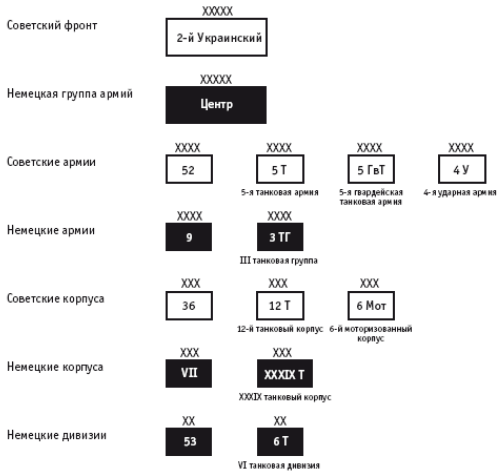
Нашим пяти сыновьям

J. LOPEZ L. OTKHMEZURI

JOUKOV
L'HOMME QUIA VAINCI HITLER

© PERRIN 2013

Фотография на обложке Халдей Е. / ТАСС


Советский фронт
XXXXX
2-й Украинский
Немецкая группа армий
XXXXX
Центр
Советские армии
XXXX
52
XXXX
5 Т
5-я танковая армия
XXXX
5 ГвТ
5-я гвардейская танковая армия
XXXX
4 У
4-я ударная армия
Немецкие армии
XXXX
9
XXXX
3 ТГ
III танковая группа
Советские корпуса
XXX
36
XXX
12 Т
12-й танковый корпус
XXX
6 Мот
6-й моторизованный корпус
Немецкие корпуса
XXX
VII
XXX
XXXIX Т
XXXIX танковый корпус
Немецкие дивизии
XX
53
XX
6 Т
VI танковая дивизия

Предисловие

Из всех лжецов биографы – самые бессовестные. Они хотят заставить нас поверить в то, что, перерыв несколько коробок с письмами, газетами, банковскими счетами и фотографиями… они могут рассказать нам всю правду о жизни другого человека.
А.Н. Уилсон (автор многих биографий)[1]

Мог ли Гитлер выиграть Вторую мировую войну? Объективный анализ показывает, что его шансы на победу, совсем не большие, представляются наиболее благоприятными в период с июня по ноябрь 1941 года и падают до нуля после начавшегося 6 декабря того же года советского контрнаступления под Москвой. Второй вопрос: мог ли Сталин проиграть войну? Да, в середине октября 1941 года, когда режим запаниковал после того, как в третий раз с начала войны огромные силы Красной армии оказались в гигантском котле и были разгромлены; своим спасением Сталин обязан только неожиданному ноябрьскому выравниванию положения на фронте. Второй раз Сталин мог проиграть войну осенью 1942 года, когда немцы продвинулись так далеко, что имели возможность захватить или уничтожить нефтяные скважины Баку. После успеха контрнаступления под Сталинградом вероятность проигрыша Советским Союзом войны становится нулевой. Во всех этих трех моментах: ноябрь и декабрь 1941 года, ноябрь 1942 года – участвует человек, чье видение ситуации и личные качества разрушили надежды Гитлера и поддержали надежды Сталина: Георгий Константинович Жуков.

Во второй половине войны ведущая роль Жукова сохраняется. Он убеждает Сталина принять важнейшее решение – временно перейти к обороне, – что станет причиной окончательного разгрома немцев под Курском летом 1943 года. Он настаивает на проведении операции «Багратион», в ходе которой летом 1944 года Красная армия уничтожает группу армий «Центр», что становится тяжелейшим поражением германских вооруженных сил за всю их историю. Он же громит противника в ходе танкового прорыва в Висло-Одерской операции в январе 1945 года, когда советские войска совершают пятисоткилометровый рывок по польской равнине. В последней битве войны все тот же Жуков после десятидневного сражения приводит свои армии к Берлину, следствием чего становится самоубийство Гитлера. 8–9 мая 1945 года в Берлин-Карлс-хорсте Жуков перед объективами кинокамер и под вспышками фотоаппаратов заставляет фельдмаршала Кейтеля подписать безоговорочную капитуляцию Германии. За четыре года войны Красная армия провела около двухсот операций силами одного или нескольких фронтов. Шестьдесят из них – самые важные – так или иначе связаны с деятельностью Жукова. Ни у одного другого военачальника, германского или союзного, нет такого послужного списка.

Конечно, советско-германский фронт это еще не вся Вторая мировая война, но он составляет ее основной театр военных действий. С какой бы стороны ни смотреть, по размерам охваченной территории, по масштабам материальных и человеческих потерь, по интенсивности, жестокости ни одна война ни в каком веке не может сравниться с этой. Гитлер сыграл ва-банк, бросив на восток 80 % имевшихся у него сил и все там потеряв. Мы не ставим под сомнение роль англо-американцев, имевшую решающее значение в ослаблении экономической мощи Германии и уничтожении ее военно-воздушных сил, а также их массированную помощь Советскому Союзу, но исход войны все же решился на широкой русско-украинской равнине. Масштаб операций в Северной Африке, в Италии и даже в Нормандии не идет ни в какое сравнение с размахом тех, что проводились на Восточном фронте. При Эль-Аламейне, а это главная

[1] Incline our Hearts. Penguin Books, 1990. P. 20.

победа британцев в войне, было уничтожено в девять раз меньше людей и в пять раз меньше танков, чем в Курской битве. В боях за Сталинград за пять месяцев погибло больше людей, чем американская армия потеряла за всю свою историю, начиная с Войны за независимость США. Вермахт, войска СС, союзники Германии: румыны, венгры, финны, итальянцы, словаки – потеряли на пространстве от Волги до Эльбы более 4 миллионов человек убитыми – три четверти их общих потерь. Одним словом, именно Красная армия сокрушила нацизм. Цена этой победа непомерна: от 25 до 27 миллионов погибших, от четверти до трети национального богатства уничтожено.

Жизнь Жукова неразрывно связана с жизнью Красной армии, а также с жизнью большевистской партии и Советского Союза вплоть до середины эпохи правления Брежнева. Изучение ее дает прекрасную возможность исследовать природу этой армии и этого государства, подобных которым не было. С самого момента своего создания в 1918 году Рабоче-крестьянская Красная армия была армией партии. И она не перестанет быть таковой вплоть до самого исчезновения Советского государства в 1991 году. Жуков – коммунист с 1919 года, коммунист, искренне верящий в идеалы партии и дисциплинированный. Но он разрывается – *если не осознавая этого, то сталкиваясь с фактами* – между двумя противоречивыми требованиями. Как всякий военачальник, он хочет, чтобы подчиненная ему армия была современным эффективным механизмом, а ее офицерский корпус четко понимал свои обязанности и умел использовать имеющиеся в его распоряжении средства. Как всякий коммунист, он понимает, оправдывает и принимает то, что эта армия является орудием в руках партии; что за ней постоянно следит целая туча шпионов госбезопасности, присланных партией комиссаров и партийных ячеек в частях и подразделениях; что командир делит власть с представителями политических органов, подчиненных Центральному комитету партии. Один из самых интересных вопросов, связанных с «жизнью Жукова»: как совместить верность партии и профессионализм? Как можно иметь готовую к сражениям армию, когда партия отказывает офицерам в какой бы то ни было самостоятельности, отождествляет моральный дух с пропагандой, дисциплину с классовым сознанием, эффективность с идеологией? Как вести современную войну в 1941 году с партией, которая пытается применять рецепты времен Гражданской войны, индустриализации и коллективизации, короче, с партией, которая отказывает военному делу в признании специфичности его характера?

Жуков жил среди этих противоречий и этих вопросов. Он видел армию, его армию, заподозренную в измене, а потом расстрелянную Сталиным в 1937 году. Он чувствовал, как этот инструмент, возведенный в ранг «фабрики по созданию советского человека», дает трещины под давлением соединившихся вместе социальных, национальных и политических проблем, порожденных жестокостью сталинской системы. В 1941 году эта армия едва не развалилась под ударом германской военной машины и чуть не растаяла из-за дезертирства не желавших сражаться солдатских масс. Жуков был человеком, который, больше, чем кто бы то ни было другой, исключая Сталина, предотвратил окончательный ее развал. Парадокс в том, что тот же самый человек несет основную – после Сталина – ответственность за разгром 1941 года. Начиная с весны 1942 года он также является одним из главных творцов нового компромисса между партией и армией. За это уникальное свое положение в советской истории он дважды заплатит опалой, унижениями, отрицанием его огромной роли в истории.

Первая часть настоящей работы охватывает период с 1896 по 1940 год. Ее главы рассказывают о пути, пройденном сыном крестьян и сельских ремесленников, бывшим учеником скорняка, задирой, любителем женщин и вкусной еды, который стал царским солдатом, а затем красным командиром. К концу этого периода Жуков – сильный тактик, который летом 1939 года, буквально накануне начала Второй мировой войны, выигрывает важную битву у японцев, которая становится первым за долгое время поражением одной из двух мощнейших азиатских держав.

Вторая часть посвящена советско-германской войне 1941–1945 годов – Великой Отечественной войне, как ее называют русские. В ней мы пытаемся понять кажущийся парадоксальным произошедший в ходе ее взлет Жукова до самых высших командных постов. Как человек, чей образовательный багаж был равен западной начальной школе, смог победить сливки германского военного истеблишмента, не имевшего себе равных по профессионализму и опыту во всем мире? Как Жуков, с трудом способный написать без орфографических ошибок четыре фразы, сумел управлять сложным механизмом современной войны, руководить на территории Советского Союза, Польши и Германии операциями, в которых было задействовано в два или три раза больше людей и техники, чем соберут союзники в Нормандии? Здесь нам придется коснуться реабилитации советской военной школы – «оперативного искусства», – предпринятой двадцать лет назад американскими военными историками Дэвидом Гланцем и Джейкобом Киппом и продолжаемой молодым французским исследователем Бенуа Бианом. Их настойчивость в раскрытии советского оперативного искусства позволила совершенно изменить видение боевых действий на востоке. Советская армия победила врага не только благодаря своей численности и массе техники. Она превосходила его и интеллектуально, и идеологически – и в практике, и в средствах претворения этой идеологии в жизнь, – невзирая на постоянную нехватку техники и людей, на недостатки тактики. Эта реабилитация затрагивает также и Сталина как военного вождя; мы проследим тесные отношения, существовавшие между ним и его лучшим полководцем. Мнение Жукова о хозяине Кремля кажется нам первостепенным по важности для понимания огромных ошибок Сталина и его достоинств, которые он направил на дело достижения победы. Это мнение высвечивает вопрос, затемненный осуждением сталинской системы и личности самого диктатора.

Третья часть посвящена 1946–1974 годам. В ней мы увидим Жукова изгнанного, преследуемого, потом понемногу реабилитируемого до смерти Сталина, а после нее внезапно взлетевшего вверх так высоко, что стал первым профессиональным военным – членом политбюро партии. Мы проанализируем итоги его деятельности на посту министра обороны, его участие в венгерских событиях 1956 года, причины его падения в 1957 году и новую опалу. Широкой публике мало известна его роль в десталинизации, в политической борьбе середины 1950-х годов, его решающая поддержка Хрущева. При Сталине и при Хрущеве он постоянно сталкивался с дилеммой: до какого момента армия и партия могут оставаться раздельными структурами, при этом не отдаляясь друг от друга? Его жизненный путь прекрасно иллюстрирует изменения советской политики с 1940-х до середины 1970 годов. Его имя несколько раз вымарывалось из учебников истории, вываливалось в грязи, его победы приписывались другим.

Свои победы Жуков одержал с очень несовершенным инструментом, который, априори, не мог мериться силами с вермахтом. Офицерский корпус Красной армии (строго говоря, с 1918 по 1940 год в Красной армии не было ни офицеров, ни генералов, и сами эти слова считались контрреволюционными. Официально офицеры и генералы назывались командирами. Не существовало даже личных воинских званий, а только должности: комполка, комэск и т. д. Персональные воинские звания были введены в РККА в 1935 году. Генеральские звания появились в 1940 году, слово «офицер» вернулось уже в ходе Великой Отечественной войны, в 1943 году. Но для удобства читателей мы сохранили наименование «офицеры» и «генералы» применительно к красным командирам 1920 – 1930-х годов. – *Пер.),* по крайней мере в начале войны, был на три четверти некомпетентным. Столкнувшись с серьезнейшими недостатками на всех уровнях и на всех участках, Жуков не имел другого выбора, кроме как жесточайшими репрессиями подчинить всех и вся своей воле. Он служил диктатору, многократно превосходившему грубостью, хитростью и жестокостью Гитлера. Нечеловеческое напряжение, которое не оставляло его все четыре года войны, постоянная слежка, смертельные угрозы, унижения, наказания и утомление бросали вызов его мыслительной деятельности. Он был человеком, за которым следили внимательнее всего, на которого сыпались доносы различных спецслужб ста-

линской системы, коллег, подчиненных, истинных и ложных друзей. Он был более одинок, чем любой другой воин любой эпохи, потому что не мог рассчитывать на солидарность военных, на их корпоративный и тем более кастовый дух. То, что он не просто не сломался, но и одержал победу в таких экстремальных условиях, говорит о необычной силе его характера и о его незаурядных качествах.

Можно только удивляться тому, что личности такого масштаба посвящено так мало работ. Всего одна работа на французском языке, вышедшая в 1956 году, скромная и безнадежно устаревшая; пять или шесть работ на английском; ни одной на немецком. Словом, ничтожно мало в сравнении с сотнями «Эйзенхауэров» (200 биографий: рекорд), десятками «Макартуров», «Паттонов», «Роммелей», «Гудерианов» и «Манштейнов».

Эта биография не является агиографическим произведением, приправленным «техническими» деталями. Подобно тому как невозможно сегодня написать биографию «великого полководца Манштейна», умолчав о его причастности не только к методам, но и к конечным целям нацизма, нельзя описывать боевые дела Жукова и его личность, не говоря о конечных целях его действий и средствах, использовавшихся им. Жуков не святой, хотя в сегодняшней России он канонизирован. Он много врал, скрывал, искажал правду о своей деятельности во время войны. Он бывал несправедливым, вспыльчивым, тщеславным, вульгарным. В Германии он отличился безудержным мародерством и не мешал своим подчиненным совершать преступления. Он безропотно служил Сталину и его режиму, часто используя те же самые методы, что и хозяин Кремля, управлявший людьми в первую очередь страхом. Он расстрелял множество запуганных солдат, он посылал людей под радиоактивные осадки, подавлял борьбу за свободу в Венгрии в 1956 году. Как и Манштейн, самый грозный его противник, он сам создал свою легенду, написав «Воспоминания и размышления» (далее в тексте – «Воспоминания». – *Пер.).* Если им поверить, он всегда правильно оценивал ситуацию на фронтах, одерживал только победы, а проигрывал исключительно по вине других. В действительности он разделял ошибки и иллюзии своих коллег до 1941 года, частично несет ответственность за страшные поражения первых месяцев операции «Барбаросса», под Ржевом его разбил Модель (1942), на Днепре его перехитрил Манштейн (1944), неудачей завершилось его первое наступление на Берлин (битва на Зееловских высотах).

Мы надеемся развеять здесь другие легенды, связанные с Жуковым. Немцы, неспособные понять свое поражение, придумали, будто он получил военное образование в Берлине во времена сотрудничества между рейхсвером и Красной армией. Необходимо отбросить эту чушь и понять, в каком невероятном котле идей он варился при Тухачевском, Свечине, Триандафиллове и Иссерсоне – мэтрах оперативного искусства. Почти все биографы объясняют взлет Жукова в 1920–1930 годах его принадлежностью к клану выходцев из Первой конной армии, в числе которых были Ворошилов, Буденный, Тимошенко – верные приспешники Сталина. Ложь: Жуков продвигался по службе благодаря своим собственным заслугам и постоянно сопутствовавшей ему удаче. Черная легенда о нем не менее живописна: мясник, бесчувственный зверь, бесцельно ливший кровь подчиненных. Простое сравнение потерь, понесенных войсками во время операций, которыми руководил он, с теми, что возглавлялись его коллегами и соперниками: Тимошенко, Коневым, Рокоссовским, опровергает это утверждение. Красная армия несла колоссальные потери из-за совершенных в 1941 и 1942 годах грубых ошибок, из-за слабости своего «человеческого материала», из-за природы сталинской системы, а не из-за характера ее наиболее выдающегося полководца[2].

[2] Проводить сравнение между операциями различных периодов войны очень непросто: Красная армия 1944 г. совсем не то, что Красная армия 1941 г.; ее противник тоже. Если мы хотим сравнить людские потери в операциях, руководимых Жуковым, с теми, которыми руководили Конев и Рокоссовский, это можно сделать только применительно к 1944 г. (наступление на Румынию) и к 1945 г. (Висло-Одерская операция), когда эти трое военачальников находились в практически равных условиях. Так вот, ни в одной из этих операций фронт под командованием Жукова не лидирует по количеству потерь. Сравнение потерь

В наше время существует еще одна причина интересоваться Жуковым. Он остается одним из немногих деятелей советской эпохи, почитание которых сохранилось и после крушения системы. Сейчас, когда пала коммунистическая идеология, Россия смыкает ряды под православными и патриотическими флагами. В этом плане *ее* победа (не совсем обоснованное утверждение, поскольку победа была советской, и украинцы, белорусы, жители кавказских и среднеазиатских республик тоже внесли в нее свою лепту) в Великой Отечественной войне является одной из главных тем, вызывающих законную гордость. Несмотря на ужасы сталинизма, это была общая победа в том смысле, что она уничтожила еще более отвратительный режим. «Наше дело было правым», полагают русские, включая и диссидентов, вроде философа Григория Померанца, который признаёт, что «от нас, советских людей, эта победа потребовала союза жертв с их палачом»[3]. Отношение к Жукову в национальной памяти русского народа является хорошим показателем той роли, которую в посткоммунистической идеологии играет патриотизм. Сейчас Жуков обожествлен наравне с Суворовым и Кутузовым. А завтра? Не ждет ли его третья опала? Не станет ли он всего лишь «сталинским маршалом», «генералом дьявола», каковым был у Гитлера Манштейн? Уже сейчас так относятся к нему те, кто пострадал от Сталина: прибалты, украинцы, народы Кавказа… Но это проблема русских и их соседей. Побудительным мотивом создания данной книги стало в первую очередь желание показать удивительную судьбу этого человека, одного из ключевых действующих лиц XX века, из числа которых, по какой-то непонятной аберрации, военные всегда исключались.

Написание биографии Жукова сталкивается со многими проблемами и вызывает много вопросов. Первая из проблем – проблема источников – значительно упростилась после исчезновения с карты мира в 1991 году СССР. Теперь ученые получили в свое распоряжение полный, не изрезанный цензурой вариант мемуаров маршала. Своими воспоминаниями о нем поделились многие из тех, кто знали его в личной жизни и по профессиональной деятельности. Сегодня можно опираться на журнал посещений сталинского кабинета в Кремле. Российский историк С.И. Исаев представил подробную хронологию деятельности Жукова во время войны. Два этих документа позволяют исправить много ошибок и лжи. В чисто военном плане публикация значительной части приказов, изданных Ставкой Верховного главнокомандующего, Государственным Комитетом Обороны (ГКО), Генеральным штабом и командованием фронтов, позволяет лучше разобраться в целях, особенностях и результатах операций. Благодаря этому сегодня можно прояснить подлинную роль Жукова в советской победе; роль, изрядно затемненную ссорами между генералами и постоянным переписыванием истории при каждом новом хозяине Кремля. Также стали частично доступны архивы НКВД-МГБ и военной разведки ГРУ. Изданная в 2001 году под эгидой В. Наумова масса документов прояснила период с 1946 по 1974 год, которого Жуков не касается в своих «Воспоминаниях». Среди этих документов – протоколы Октябрьского (1957) пленума ЦК, который окончательно отправил Жукова в отставку, а также документы, проливающие свет на причины его первой опалы в 1946 году. Этот труд входит в масштабную серию «Россия. XX век. Документы», основанную Александром Яковлевым (1923–2005), правой рукой Горбачева и идеологом «перестройки». Данная серия, насчитывающая 70 томов, стремится показать преступления, совершенные против своего народа Сталиным, коммунистической партией и ее различными карательными органами. Документы, собранные в этих томах, позволяют нам не только определить место Жукова в тота-

---

Западного фронта под командованием Жукова зимой 1941/42 г. с потерями других фронтов в другое время и на других направлениях не имеет смысла. Жуков на протяжении семи месяцев держал оборону против основных сил германской армии, имея под своим началом едва ли не треть Красной армии, уступавшей на тот момент противнику по вооружению и технической оснащенности: как его потери могли быть небольшими? Единственным бесспорным случаем, когда по вине Жукова его войска несли неоправданно высокие потери, является операция «Марс» (ноябрь-декабрь 1942 г.). Тогда Жуков, причем без всякого давления на него со стороны Сталина, без какой бы то ни было необходимости положил тысячи своих солдат.

[3] *Lopez J. et Otkhmezuri L.* Grandeur et misere de l'Armee rouge. Paris, Seuil. 2011.

литарной системе, подобной которой не знала история, но также осветить некоторые аспекты его личной жизни и понять взаимоотношения между этим государством и его лучшим полководцем.

Неоценимую помощь нам оказала наша московская помощница Инна Солодкова, работавшая в «Ленинке» (Российская государственная библиотека), в Подольске (военный архив) и в Химках (газетные архивы). Если бы не она, эта книга имела бы менее обширную и менее солидную базу. Также помощь нам оказал специалист по сталинской эпохе, профессор Олег Хлевнюк, бывший для нас нитью Ариадны в лабиринтах Советского государства. Степан Микоян, сын Анастаса Микояна, бывшего министром при Сталине и Хрущеве, любезно предоставил в наше распоряжение неопубликованную часть мемуаров своего отца. Сахаровский центр передал нам рукопись неизданных воспоминаний Никифора Гурьевича Конюхова «Все это было», помогающих понять террор 1937 года. Социолог Лев Гудков, директор московского «Левада-центра», сообщил нам результаты социологических опросов, позволяющих оценить степень популярности маршала в современной России. Всех этих людей и эти организации мы горячо благодарим за содействие.

Часть мемуаров советских государственных деятелей, которые мы широко использовали, взята нами из сети Интернет; иногда в них нет разбивки на страницы. В таких случаях мы указывали электронный адрес и дату использования.

Часть первая
От царя к Сталину

Глава 1
Дядя Миша, или роман о детстве. 1896-1914

19 ноября 1896 года по юлианскому календарю (1 декабря по григорианскому, «новому стилю») в деревне Стрелковка на большой печи в своей избе Устинья Артемьевна Жукова родила младенца мужского пола. Из-за высокой смертности среди новорожденных Устинья поспешила окрестить сына в церкви Угодского Завода на следующий же день после того, как он издал первый крик. Крестил ребенка отец Василий Всесвятский, тремя годами раньше обвенчавший Устинью с ее мужем, Константином Жуковым. Расположенное в 4 км от Стрелковки село Угодский Завод, переименованное в 1974 году в Жуково, а в 1996 году – в Жуков[4], было волостным центром Малоярославецкого уезда, расположенного на северной границе Калужской губернии. До Москвы от него 110 км; зимний путь до нее занимал три дня, а с 1874 года, когда к Малоярославцу была подведена железная дорога, – шесть часов.

В соответствии с православной традицией ребенок получает имя на восьмой день жизни, и часто родители выбирают из имен нескольких святых, чья память почитается в этот день. 26 ноября (по юлианскому календарю) в России празднуется день Георгия Победоносца – покровителя воинов и Москвы. Устинья Артемьевна и ее супруг Константин Артемьевич не нарушили традицию: ребенок станет Георгием Константиновичем Жуковым. Воин, который в декабре 1941 года спасет «матушку Москву» от «немецко-фашистских варваров», не мог получить лучшего имени. Тот же самый Георгий добьет в Берлине гитлеровского дракона – худшее бедствие, навалившееся на Россию со времен монгольского нашествия, и многие из тех 30 миллионов человек, что пройдут Великую Отечественную войну в рядах Красной армии, увидят в этом религиозный смысл. Имя святого покровителя маршала Жукова станет одним из тех элементов, вокруг которого начнет складываться культ его личности, особенно среди ветеранов войны. И оно же будет использовано сначала Сталиным, а затем Хрущевым для того, чтобы в 1946-м и 1957-м сбросить его обладателя с Тарпейской скалы советского Капитолия. По мнению большевиков – путчистов, постоянно одержимых страхом быть низвергнутыми в результате другого путча и в каждом военном видевших Бонапарта, – нельзя безнаказанно называться Георгием Победоносцем.

Вплоть до пятнадцати лет сына Устиньи Артемьевны и Константина Артемьевича будут звать Егором. Став взрослым, он всегда будет отмечать день рождения не 1-го, а 2 декабря. Эта же дата выгравирована и на табличке ниши в Кремлевской стене, где покоится его прах. Различие в датах объясняется введением большевиками 31 января 1918 года нового календаря. Старый, юлианский, отставал от нового, григорианского, на двенадцать дней в XIX веке и на тринадцать в XX. Будущий маршал, родившийся почти на стыке двух веков, неизвестно почему решил, что разница в тринадцать дней ему подходит больше.

В том же декабре 1896 года Владимир Ильич Ульянов, уже лысый и бородатый, но еще не Ленин, отбывает четырнадцатимесячное заключение в петербургской тюрьме за издание подрывной газеты «Рабочее дело». Ему 26 лет. Сидя в одиночной камере, он занимается редактированием своей работы «Развитие капитализма в России» и разрабатывает новые планы для

[4] В 1996 г., в связи со столетием со дня рождения маршала, Жуково получило статус города, потеряв при этом букву «о» в названии.

основанной им крохотной группки Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Иосифу Виссарионовичу Джугашвили 18 лет, и он еще не слышал об Ульянове. Сам он пока еще не называет себя Сталиным, а в качестве псевдонима выбирает кличку кавказского бандита, романтического героя из запрещенного романа – Коба. В 1896 году Джугашвили-Коба пишет стихи в общежитии Тифлисской семинарии и участвует в первых тайных собраниях городских рабочих. В этом году семнадцатилетний Лев Давидович Бронштейн учится в гимназии в городе Николаев (на территории нынешней Украины). Будущий Троцкий еще далек от исторического материализма и жадно проглатывает журналы, ведущие непрекращающуюся полемику с марксизмом, такие как «Русское богатство». Будущий нарком обороны Ворошилов старше Жукова на пятнадцать лет, а Тухачевский, один из военных гениев XX века и один из отцов Победы 1945 года, – на три. У ближайших соратников и конкурентов будущего маршала – Тимошенко, Конев, Василевский и Рокоссовский – разница в возрасте с ним составляет несколько месяцев.

В 1896 году Россия еще не слышала об этих неизвестных пока молодых людях, которые совершат в ее жизни такой переворот, каких было мало в истории человечества. Страна все еще обсуждает случившуюся полгода назад катастрофу на Ходынском поле, отбросившую зловещую тень на династию Романовых. Коронация Николая II обещала стать пышной. На торжества позвали и простых москвичей. Для них устроили огромный буфет на краю расположенного недалеко от Петровского парка Ходынского поля, использовавшегося для учений войск. К 5 часам утра на поле собралось 500 000 человек, оказавшихся в западне на слишком тесном пространстве. Растерянные власти, с чьей стороны эта ошибка была не последней, пассивно наблюдали за происходящим. Возникший слух – дескать, царских подарков на всех не хватит – спровоцировал давку, а затем панику. Началась дикая схватка за то, чтобы выжить. Сразу после трагедии число погибших определили в 1389 человек; раненых было несколько тысяч. По улицам города катили телеги, нагруженные трупами, и растекались массы оборванных, растрепанных людей с расцарапанными лицами: мужчин, женщин, детей. Весь год говорили только о том, что у царя не нашлось ни единого слова сострадания к своим подданным, что вечером того дня, когда произошла трагедия, он, в соответствии с протоколом торжеств, отправился на бал, устроенный в его честь французским послом маркизом де Монтебелло. На какой же планете живет Николай Романов? И каким будет его царствование, кровавое начало которого так зловеще напоминало трагедию, омрачившую торжества в честь бракосочетания Людовика XVI и Марии-Антуанетты?

Ходынская катастрофа, должно быть, вытеснила из разговоров трехсот жителей Стрелковки, когда темы их выходили за рамки повседневных забот, три других важных события уходящего века: сражение с французами под Малоярославцем 24 октября 1812 года, ознаменовавшее начало отступления наполеоновской армии; отмену крепостного права при Александре II в 1861 году и голод 1891–1892 годов в Калужской губернии, погубивший много людей.

Стрелковка была основана в начале XVIII века при Петре Великом для того, чтобы поселить в ней крепостных мастеров с Урала, обладавших ценными для царя-реформатора профессиональными навыками: умением лить пушки. В названии деревни сохранился тот же корень «стрел», что и в глаголе «стрелять». Человек, который обрушит на Берлин залпы 17 000 орудийных стволов, не мог родиться в месте с лучшим названием. К 1896 году от оружейного производства, для которого в лесу жгли уголь, а на многочисленных окрестных речках ставились водяные мельницы, ничего не осталось. Деревня вернулась к своим традиционным занятиям: сельскому хозяйству и разведению скота, приносившим незначительный доход. Этот район известен в первую очередь своими сосновыми лесами, бедными почвами и песчаными дорогами, на которых колесо проваливается на 10 см летом и полностью скрывается в грязи весной и осенью, в период распутицы. Тяжелые природные условия превращали Калужскую губернию в кошмар для впавших в опалу дворян, которых туда по традиции ссылали цари. Губерния

вышла из изоляции за два десятка лет до рождения Жукова, когда Калугу с Москвой связала железная дорога, еще больше усилившая притягательность древней русской столицы.

Жуковы: одной ногой уже вне крестьянского мира

Происхождение семьи будущего маршала по отцовской линии темно. Отец, Константин Артемьевич, был подкидышем, отданным на воспитание бездетной вдове Анне Жуковой, жительнице Стрелковки. За свои труды вдова получала из казны три рубля в месяц. Она дала мальчику свою фамилию, очень распространенную в округе: на момент рождения Георгия в Стрелковке жило пять семей Жуковых. Происхождение отчества Артемьевич неизвестно. Эта неясность происхождения по отцовской линии породит совершенно нелепые теории и слухи. Будущий победитель вермахта, спаситель Москвы и Советского Союза не мог быть сыном простого сапожника. А что, если он был отпрыском благородной семьи из Константинополя, священного города, о котором столько мечтали в России? По словам Анны Давыдовны Миркиной, редактора Агентства печати «Новости», принимавшей участие в редактировании «Воспоминаний» Жукова, он в 1960-х годах часто разговаривал с ней об этих слухах. Он любил, рассказывает она, повторять, что, в конце концов, его отец, возможно, был греком; при этом она не знает, шутил он или нет[5]. Россия имеет долгую традицию сочинения фантастических знатных родословных своим знаменитым детям. К примеру, еще одного сына сапожника и будущего Верховного главнокомандующего Жукова – Иосифа Джугашвили/Сталина vox populi (глас народа *(лат.) – Пер.)* во времена его правления объявил сыном великого русского путешественника Пржевальского и даже – что размениваться по мелочам?! – сыном царя Александра III.

Согласно исследованиям генеалогиста А.И. Ульянова, которому мы обязаны основными знаниями о семье маршала, Константин родился между 1841 и 1844 годами; более точную дату установить невозможно. Анна, его воспитательница, умерла, когда Константину исполнилось 8 лет. Взятый в обучение сапожником с Угодского завода, он научился его ремеслу и в возрасте 12 лет отправился в Москву, где устроился на работу к известному немецкому сапожнику Вейсу. Спустя полвека его сын Георгий пойдет тем же путем. Как и почти все российские городские ремесленники, Константин сохранил самые тесные связи с родной деревней, Стрелковкой, откуда он в 1870 году взял себе жену, некую Анну Ивановну, которая родила ему двух сыновей, Григория и Василия. Последний умер, не дожив до двух лет, что случалось в царской империи с каждым пятым ребенком, а в крестьянской семье с каждым четвертым. В 1892 году овдовевший Константин решает вновь жениться, и снова на уроженке Стрелковки. Одна из дочерей Жукова, Мария, рассказывает, что слышала от стрелковских старожилов, что дед ее «был худощавый человек с небольшой бородкой, волосами, постриженными в кружок, он отличался подвижностью и живостью… Роста он был среднего, но Устинья казалась выше, так как держалась удивительно прямо, а супруг был сутуловат»[6].

Мать Георгия Жукова, Устинья Артемьевна, родилась 26 сентября 1863 года, в стоящей в 6 км от Стрелковки деревне Черная Грязь, месте, судя по названию, совсем не веселом. Она была первым ребенком в семье Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Отметим, что дед и бабка Жукова не имели фамилии, как и многие русские крестьяне, недавно освободившиеся от крепостной зависимости. Не имевшие никакого имущества, почти никогда не покидавшие свою деревню, они не нуждались в фамилии. В конце 1880 годов братья и сестры Устиньи примут фамилию Пилихины, непонятно почему. Будущая мать Жукова в 1885 году вышла замуж за Фаддея Стефановича, тоже бесфамильного крестьянина, который умер четыре года

[5] Огонек. 1988. № 16. С. 12.

[6] *Жукова М.Г.* Маршал Жуков – мой отец. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 33–34.

спустя от туберкулеза. Устинья осталась одна с трехлетним сыном Иваном и, чтобы прокормиться, вынуждена была наниматься батрачить к соседям. В конце 1890 года у нее родился сын Георгий, от неизвестного отца[7]. Ребенок умер через несколько месяцев. Судьба единоутробного брата Георгия Константиновича, Ивана, неизвестна.

Константин Артемьевич Жуков женился на Устинье Артемьевне в том же 1892 году, в котором овдовел. Ему было около 50 лет, Устинье шел двадцать девятый год. Жених имел некоторые финансовые сбережения, невеста владела несколькими десятинами земли, на которых выращивались пшеница, овес и картофель. Первый ребенок четы – дочь Мария – родился 20 марта 1894 года; она была старше Георгия на два с половиной года. Их младший и любимый сын Алеша, родившийся 11 марта 1899 года, прожил всего полтора года.

В своих «Воспоминаниях», а также в многочисленных биографиях, написанных для военных канцелярий, Жуков всегда заявлял, что его родители были крайне бедны, и это в советском обществе представляло значительный плюс. Позднее это же станут повторять его друзья, например маршал Баграмян, и даже биографы недавнего времени, в частности Владимир Дайнес. Исследования, предпринятые после распада Советского Союза многими российскими историками, в том числе Борисом Соколовым, показывают, что в действительности Жуковы стояли на социальной лестнице совсем не так низко.

Конечно, земли у семьи было мало; приходилось, как и миллионам других крестьян из губерний Центральной России, заниматься отхожими промыслами в городе или деревне. Отец, работая сапожником в Москве, присылал жене деньги и дважды в год приезжал для участия в важных сельскохозяйственных работах. В 1906 году он окончательно поселился в деревне. Изба Жуковых имела одну комнату с тремя окнами, выходящими на восток; сбоку был пристроен сарай, в котором содержались корова и кобыла, что было совсем немало, поскольку в начале 1900-х годов только одна крестьянская семья из трех владела лошадью[8]. Изба, как и все избы в центре России, должно быть, имела размеры 6 аршин на 9 (приблизительно 40 м^2), с огромной двухъярусной печью, земляным полом и соломенной крышей, укрепленной березовыми ветками. По избе бегали куры, а зимой в нее брали теленка. Дождь легко просачивался сквозь солому, и такая изба стояла максимум двадцать лет, если только раньше ее не уничтожал пожар. Дом, в котором родился Жуков, стал добычей огня, и зиму семья была вынуждена жить у соседей.

Если Жуковы жили в нужде и знали тяжелые времена, в частности в голодном 1906 году, все же, несмотря на все трудности, столь живописно расписанные маршалом в его воспоминаниях, они отнюдь не принадлежали к числу нищих бедняков. В семье было только двое детей, тогда как для крестьянских семей того времени нормой являлось пять-шесть. Она ежегодно платила налог: 17 рублей 3 копейки, что было относительно крупной суммой. Согласно налоговым ведомостям, стрелковские сапожники зарабатывали в год по 90 рублей, столько же, сколько извозчики. Семейный доход увеличивался за счет тех средств, что Устинья выручала от продажи бакалейных товаров, возимых ею в Малоярославец и Угодский Завод. Данный род деятельности требовал довольно больших затрат: на кормление лошади, на содержание сбруи и наем крытой повозки. Работа была тяжелой, пишет Георгий Константинович, но «мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца – моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал

[7] То, что Устинья выбрала для своего сына – будущего маршала – имя Георгий, может объясняться и еще одной традицией, отличной от упомянутой выше: давать имя умершего в раннем детстве ребенка первому из его братьев или сестре, родившихся после него.

[8] *Shanin.* Awkward Class. P. 48. Цит. по: *Figes O.* La Revolution russe. Paris, Denoël, 2007. P. 159.

за хвост и одним рывком сажал на круп»[9]. На фотографии, сделанной в 1942 году, мы видим Устинью в возрасте около 80 лет; она в черном платье, на голове – платок в горошек. Некрасивое лицо, прозрачные голубые глаза, источающие странную смесь суровости, уверенности и иронии. По словам ее внучки Эллы, она никогда не улыбалась, мало говорила, не интересовалась внучками. Во время войны, после возвращения из эвакуации в 1943 году, она сбежала из роскошной московской квартиры Жуковых на улице Грановского и поселилась на их даче в Сосновке. Она любила в любую погоду сидеть во дворе на скамейке, молча, в одиночестве, положив руки на колени. На фотографии именно руки привлекают внимание: большие, с очень мощными кистями и запястьями. Силу и необычайную выносливость Георгий Константинович унаследовал от матери. Эти качества, наряду с упорством, хладнокровием и храбростью, будут ему наилучшей поддержкой в тяжелых испытаниях Великой Отечественной войны.

Сельская школа, запоздалая культурная революция царизма

Маленький Георгий получил образование благодаря усилиям старого режима, начавшего борьбу с неграмотностью. В период с 1871 по 1911 год количество начальных школ в Российской империи увеличилось в четыре раза, заметно вырос процент грамотных, особенно в деревнях, расположенных ближе к городам. В 1903 году, в возрасте семи лет, Георгий поступил в приходскую школу в Велихове, в полутора километрах от Стрелковки. Создание этого учебного заведения финансировал князь Николай Сергеевич Голицын, генерал от инфантерии и известный военный историк. Школа представляла собой обычную избу с двумя выходами. Возможностью получить основы грамотности воспользовались шесть детей из Стрелковки, что совсем немного для населения в 300 человек, из которых, если основываться на данных о возрастной структуре населения России того времени, минимум 40 % должны были быть моложе двадцати лет. Их мало, но уже и это количество – огромный прогресс, настоящая культурная революция: еще двадцать лет назад в Велихове не было школы. Можно предположительно подсчитать, что около 40 % крестьянских детей получали в 1903 году начальное образование. Таким образом, часть того поколения, к которому принадлежал будущий маршал, имела, по сравнению с предыдущим, новый и весьма сильный козырь.

Георгий просидел за партой три года. Его школьный учитель, деревенский священник, посвящал четверть учебного времени Закону Божьему. В частности, в соответствии с инструкцией Святейшего синода он старался привить своим юным слушателям политико-теологический катехизис, несколько строк из которого мы приводим:

«*В(опрос):* Как должны мы выражать наше почтение царю?

О(твет): Первое: мы должны быть абсолютно верны царю и готовы отдать за него жизнь. Мы должны безропотно исполнять его приказы и повиноваться властям, назначенным им…

В.: Как должны мы относиться к тем, кто нарушают свой долг перед своим государем?

О.: Они виновны не только перед царем, но и перед Богом».

Какие же знания приобрел Жуков после трех лет, проведенных в церковно-приходской школе? Очевидно, всего лишь научился письму и счету, причем в самом минимальном объеме. В мемуарах маршал вспоминает, что в 13 лет ему требовалась помощь его двоюродного брата Александра Пилихина, чтобы прочесть Конан Дойла. В дальнейшем он несколько увеличил свой культурный багаж, благодаря занятиям на вечерних курсах в Москве, но этот факт является предметом споров, о чем мы расскажем дальше. Первая супруга, Александра Диевна, бывшая учительница, поможет ему усовершенствовать русский язык, так что со временем Жуков станет делать меньше ошибок в письмах, адресованных семье, если верить свидетельству его

[9] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 1-е изд. М.: АПН, 1969. С. 8.

дочери Эры[10]. Уже после войны, во время бесед с писателем Константином Симоновым, Жуков будет вспоминать, как Сталин, диктуя ему приказы, попутно исправлял ошибки в пунктуации, допущенные маршалом, охотно признававшим то, что знания этого грузина в русской грамматике превосходили его собственные[11]. Так что уровень образования Георгия Константиновича был крайне низок, несравнимо ниже уровня образования германских генералов, с которыми ему пришлось воевать, но равным уровню подавляющего большинства его будущих боевых товарищей: Конева, Рокоссовского, Тимошенко, Мерецкова, Малиновского, Новикова и тем более Буденного[12]. Письмо последнего, написанное 14 марта 1919 года и адресованное начальнику штаба 10-й армии, дает четкое представление о степени грамотности красных полководцев: девятнадцать орфографических ошибок на шестьдесят одно слово, не говоря уже о синтаксисе, имеющем мало общего с нормами грамматики. Никто из них не знает иностранных языков (только Рокоссовский говорит по-польски, поскольку его отец был поляк)[13]. Все эти люди – крестьяне, рабочие, ремесленники – были оторваны от привычных своих занятий Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной – семилетним периодом жестокого насилия, сделавшим из них профессионалов войны, самоучек, вырвавшихся из общей массы и ставших на сторону новой власти, давшей им нечаянный шанс подняться по социальной лестнице.

Если одним из признаков крайней бедности считать неучастие в общественной жизни, Жуковы были не так уж бедны. Константина Артемьевича часто избирали деревенским представителем на волостные сходы, что позволяет предположить – точно этого утверждать нельзя, – что он был грамотным (Устинья ни читать, ни писать не умела[14]). Его сын напишет, что он пользовался большим уважением, «обычно на сходках, собраниях последнее слово принадлежало ему». Как и его отец, Георгий обладал умением заставить себя слушать и убеждать аудиторию, но у него это качество соединялось с холерическим темпераментом, чрезвычайно раздутым самомнением и повышенной возбудимостью. В 1902 году Константин Артемьевич был избран полицейским десятским (низший полицейский служащий); жалованье за отправление этой должности давало ему небольшой дополнительный доход. Мать же имела полезные связи в Москве – ее родной брат Михаил Артемьевич Пилихин, о котором речь пойдет дальше, был известным в Москве меховщиком.

Несмотря на уточнения социального происхождения Георгия Жукова, сделанные нами, он тем не менее и по рождению, и по воспитанию принадлежал к крестьянству, тому самому классу, который, согласно переписи 1897 года, составлял 86 % населения империи. Эта огромная масса людей, совсем недавно и со многими оговорками освобожденных от рабства, была презираема и забыта властью, о чем свидетельствует этот диалог, состоявшийся 22 ноября 1904 года между царем и его министром внутренних дел, князем Святополк-Мирским, который пытался растолковать императорской фамилии суть крестьянского вопроса: «Народ хочет только земли… У него нет никаких прав… Нельзя издавать законы, которыми девять десятых

---

[10] Российская газета. 2005. 14 января. Интервью Эры и Эллы Жуковых.

[11] *Смирнов С.* (рук.). Маршал Жуков, каким мы его помним. М.: Политиздат, 1988. С. 107–108.

[12] Ряд других крупных советских полководцев имели более солидный начальный культурный багаж. Например, Баграмян (р. 1896) получил диплом старшего техника, Тухачевский (р. 1893) окончил Александровское военное училище, Толбухин (р. 1894) был бухгалтером, Ватутин (р. 1901) имел диплом коммерческого училища. Самым образованным был Антонов (р. 1896). Имеется в виду Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962), генерал армии, член Ставки Верховного главнокомандующего, начальник Генштаба (1945–1946), кавалер ордена Победы (единственный советский военачальник, награжденный этим орденом, не имевший маршальского звания. – *Пер.).* Он окончил 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию и был принят на физико-математический факультет университета.

[13] Двоюродный брат Жукова, Михаил Пилихин, утверждает, что его старший брат Александр учил Георгия немецкому, но мы не смогли найти подтверждений этому факту. Доказанное наличие в библиотеке маршала дорогих книг на немецком языке, купленных (или украденных) в 1945 г., может объясняться их рыночной стоимостью либо символической ценностью как боевых трофеев.

[14] *Жукова М.Г.* (рук.). Георгий Жуков. М.: Новатор. С. 279.

населения не могут пользоваться». Ответ царя, «хозяина земли Русской», как он сам определил свой род занятий в опросном листе переписи: «Перемен хочет только интеллигенция. Народ же ничего не хочет»[15].

Идеальное детство… для советской пропаганды

Описанию детства и отрочества маршал Жуков посвятил более тридцати страниц в своих «Воспоминаниях», которые являются для нас основным источником информации о его юности. Эти страницы он обдумывал и записывал между 1958-м, сразу после своей отставки, и 1965 годами. Окончательная редакция происходила между 1965-м, после подписания 18 августа договора на издание воспоминаний с Агентством печати «Новости» (АПН), и 1969 годом, когда книга вышла в свет. АПН предоставило Жукову редактора, Анну Давыдовну Миркину, в задачу которой входило помочь маршалу написать книгу. Также молодая женщина должна была убеждать его принимать правку, вставки и купюры, навязываемые военным отделом ЦК КПСС. Хождения между Жуковым и его цензорами, державшими прямую связь с генеральным секретарем Леонидом Брежневым, продолжались три изнурительных, по оценке самой Миркиной, года. Первоначальный текст рукописи был в значительной мере восстановлен при десятом издании, вышедшем в 1990 году, когда советская система уже рушилась. Тогда стало очевидно, что около ста страниц было вырезано или же, напротив, навязано маршалу цензурой. В целом сравнение различных изданий служит биографу важным источником для анализа, но страницы, посвященные детству, брежневская цензура практически не трогала из-за их слабой политической окрашенности. Однако возможно, и даже вероятно, что их, редактируя, «пригладила» Миркина.

Есть все основания усомниться во многих местах маршальского рассказа. Так, в нем слишком уж красиво расписана политическая сознательность юного Георгия, в полном соответствии с советскими канонами воспитания масс. Что мы узнаём из первой главы «Воспоминаний»? Что Жуковы были крайне бедны – мы видели, как все обстояло на самом деле. Что его отец был жертвой царского режима: «Я не знаю подробностей, но, по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях». И далее: «В 1906 году возвратился в деревню отец. Он сказал, что в Москву больше не поедет, так как полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне»[16]. Рассказ пересекают архетипические фигуры, присутствие которых тем более любопытно, что они не всегда органично вплетаются в рассказ, как будто они вписаны другой рукой, очевидно, рукой Миркиной, искушенной в тонкостях советских правил написания книг. Среди обязательных в черно-белом мире былого СССР был Ленин, о котором отец и товарищи Георгия «слышали» в 1905 году; а также кулак, эксплуатировавший несчастных стрелковских крестьян, и дядюшка Пилихин, жуликоватый хозяин, суровый и жестокий эксплуататор детей. Наконец, когда надо привести правильное суждение или мнение, в нем четко слышится голос рабочего-скорняка Колесова, энергично развивавшего политическое сознание юного подмастерья Георгия, жадно его слушавшего.

Итак, что нам известно о политических настроениях отца Георгия? Быстро разберемся с Лениным, чье имя он якобы слышал в те времена и который вместе с юной большевистской фракцией Социал-демократической партии сыграл ничтожно малую роль в событиях революции 1905 года. Практически невероятно, чтобы имя Ульянова стало известно в Стрелковке до 1917 года. Фактически, для огромного большинства русских имя и фигура Ленина станут известными только в сентябре 1918 года, после покушения, совершенного на него Фани

[15] Исторические записки. № 77; *Святополк-Мирская.* Дневник 1904–1905. С. 259.

[16] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 8, 14.

Каплан. Если участие отца Жукова во всеобщей забастовке в декабре 1905 года возможно, то запрет на его проживание в Москве не находит подтверждений. В архивах московской полиции и судов об этом нет никаких сведений.

Возможно, Константин Артемьевич вернулся в Стрелковку по более прозаическим – экономическим – причинам. Беспорядки 1905–1906 годов вызвали резкий рост безработицы. Также возможно – и Жуков сам высказывает это предположение, – что супруга попросила его остаться в деревне, чтобы она могла распоряжаться всеми заработанными им деньгами, а не одним, двумя или тремя рублями в месяц, которые он присылал ей, когда шил сапоги в Москве. Пристрастие отца Жукова к выпивке, признаваемое сыном, также могло побудить мать настаивать на его возвращении домой.

С дядей Пилихиным, братом своей матери, Георгий познакомился в июле 1908 года. Ему было 12 лет, он только что окончил приходскую школу. Пришла пора, как это сделал до него отец, покинуть родной дом и учиться ремеслу. Но где и какому? И тут мать выкладывает свой самый сильный козырь: она предлагает отправить сына учиться ремеслу в мастерской ее брата, Михаила Артемьевича. Его маленькая меховая мастерская преуспевает, жалованье он платит высокое – в сравнении со стрелковскими сапожниками, – дальнейшее трудоустройство гарантировано. Дядя без возражений соглашается помочь старшей сестре, на которую поразительно похож внешне и с которой, как показывает его жизнь, у них была такая общая черта, как стремление своим трудом выбиться в люди.

Георгий рассказывает о прощании с матерью, трогательном своей нежностью и пониманием того, что детство закончилось. В нескольких строках старый маршал заново переживает страдания, которые испытывал в тот момент, когда маленьким мальчиком прощался с горячо любимым им образом жизни. Он вспоминает о своих походах по влажным березовым рощам, по большому липовому лесу в Величкове, куда деревенские ребята, все в простых рубахах, босоногие или в лаптях, ходили компаниями собирать ягоды и грибы. С утра до ночи он проводил время вне дома, на берегах бесчисленных ручьев бассейна Протвы, где умело и с большим азартом ловил рыбу. Любовь к этому занятию он сохранит до конца жизни. Половой из трактира водил его на охоту: зимой на зайца, летом на уток – еще одна его страсть, с которой он расстанется лишь в преклонном возрасте. Он катался на коньках по замерзшим Угодке и Протве и на лыжах с Михалевых гор, большую часть времени будучи свободным, ни у кого не спрашивая разрешения и ни перед кем не отчитываясь, как жило большинство стрелковских мальчишек. Но ребенок, выросший на воле, на природе, должно быть, часто переходил рамки дозволенного, за что получал крепкую взбучку от отца. Тот требовал, «чтобы я просил прощения», напишет он, и мы ясно видим на лбу подростка упрямую морщинку, так знакомую по его фотографиям в зрелом возрасте. «Но я был упрям и, сколько бы он ни бил меня, – терпел, но прощения не просил»[17]. Однажды отец так сильно выпорол его, что он несколько дней жил в зарослях конопли, не решаясь вернуться домой, но прощения так и не попросил. У Жукова были и другие случаи проявить свое упрямство. Должно быть, маршал сильно расстроился, когда в ноябре 1941 года немецкие войска полностью разрушили Стрелковку, в том числе и семейный дом. К счастью, за несколько дней до этого он успел эвакуировать мать, сестру Марию и племянницу Анну.

Неправдоподобно злой дядя

Георгий приехал в Москву осенью 1908 года, став еще одной маленькой капелькой в огромном крестьянском море, ежегодно выплескивавшем в город десятки тысяч новых жителей. Через пятьдесят пять лет маршал посвятит этому приезду весьма живописные страницы –

[17] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 13.

редкий случай для мемуаров советских руководителей. Первые же строчки описания выдают его слабость – гурманство: «Возле трактира, несмотря на ранний час, шла бойкая торговля сбитнем, лепешками, пирожками с ливером, требухой и прочими яствами, которыми приезжие могли подкрепиться за недорогую цену»[18]. Москва с ее 1,6 миллиона жителей занимала девятое место по численности населения среди тогдашних мегаполисов. После трех лет революции, репрессий власти, террористических актов и смертных казней в городе установился мир, и он продолжил свой бурный рост, которым отмечено предыдущее десятилетие. Георгий попал на огромную стройку, где перекрещивались железнодорожные и трамвайные пути, где в несколько недель вырастали дома для рабочих и заводские корпуса. По роскошным центральным улицам, Арбату и Тверской, разъезжали первые автомобили, на километры тянулись телефонные провода. «Я никогда не видел домов выше двух этажей, мощеных улиц, извозчиков в колясках с надутыми шинами… Не видел я никогда и такого скопления людей на улицах»[19]. В городе уже было два десятка улиц с электрическим освещением. Первого октября был открыт Народный университет, слушателями которого могли стать все, даже не имеющие аттестата о среднем образовании – заметное событие в николаевской России. В 1909 году городская дума ввела бесплатное четырехклассное начальное образование. Она гордилась дюжиной больших публичных библиотек. Социальная и интеллектуальная модернизация России, какой бы запоздалой и неполной она ни была, становилась реальностью. А вот политическая система оставалась архаичной.

Но всеми этими благами городской цивилизации Георгий не пользовался, потому что, если верить его рассказам, жил в каторжных условиях, вроде тех, что описывал Диккенс. Ученик вставал в 6 часов и никогда не ложился раньше 23 часов. Он постоянно получал побои от хозяина, хозяйки и мастера, обучающего его ремеслу. Мальчик жил в грязи, в темноте, среди вони сушащихся кож, спал на полу, как собака. Он даже становился свидетелем садистского зрелища: когда рабочие по приказу хозяина начинали бить друг друга прутьями, предназначенными для выбивания кож, а хозяин, этот страшный Пилихин, подбадривал их криками. Единственным светлым пятном в этом аду был Александр (Саша) Пилихин, старший сын дяди и, следовательно, двоюродный брат Георгия. Мальчики были одногодками и подружились. Саша давал кузену читать книги. «Мы взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. Занимались обычно вдвоем, главным образом когда не было дома хозяина и по воскресеньям. Но как ни прятались от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания он похвалил нас за разумное дело. Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища»[20].

«Хозяин»… Жуков ни разу не называет его «дядя» или «дядя Миша». Вероятно, используемое им слово точно отвечает классовой ненависти, бывшей в Советском Союзе в большом почете, но оно, возможно, не совсем точно выражает отношения и чувства мальчика к родственнику. Также можно заметить в этом месте «Воспоминаний» реминисценцию автобиографической книги «В людях» Максима Горького, которого Жуков читал и перечитывал. Алчный, жестокий садист-хозяин Горького не получает от писателя имени, точно так же и дядюшка Пилихин от своего племянника, и все отношение мемуариста к нему отражает его классовый подход в мире, где хорошим и плохим человек считался в зависимости от своего места в производственных отношениях.

---

[18] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 18.

[19] Там же. С. 19.

[20] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 22.

В действительности в этом рассказе об обучении ложно все или почти все. На самом деле дядюшка-«палач» всегда ставил племянника в выгодные условия. После всего двух лет учения он перевел Георгия в магазин – привилегированное место, где юноше не приходилось зависеть от мастера. Через два года он взял его с собой в качестве экспедитора на крупную Нижегородскую ярмарку, а затем на Урюпинскую, хотя должен был бы взять наиболее опытного своего приказчика. Георгий признаёт, что в тот год «у меня в подчинении было три мальчика-ученика». По воскресеньям вся семья Пилихиных, включая их стрелковского племянника и кузена, ходила в кремлевский Успенский собор слушать тамошний хор. В 1911 году, в возрасте 15 лет, Георгий стал развозить меха по Москве – новое повышение, – а рабочие стали уважительно называть его Георгием Константиновичем – верный знак того, что на него смотрели как на члена семьи хозяина.

В своих мемуарах младший из Пилихиных, Михаил, вспоминает веселую семью, ухоженных детей, дружбу между двоюродными братьями и уличает своего знаменитого кузена-мемуариста в неправде. Он рассказывает, что Егора не за что было наказывать, потому что он был исполнителен, скорее тот находился в мастерской в привилегированном положении. Каждый год мастера уезжали на Рождество к себе в деревни на две недели и на два месяца летом, чтобы помогать в сельскохозяйственных работах, и Георгий Константинович тоже[21]. Многие предприятия считались с этими привычками своих работников и на данный период прекращали работу. «В 1911 году отец взял меня из школы на свое предприятие в ученики на четыре года на тех же условиях, как и других учеников, – продолжает Михаил Михайлович, – Георгий Жуков взял надо мной шефство. […] Георгий был иногда довольно требователен и подчас не терпел возражений. […] Бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. […] Егор спал на полатях с братом Александром, ел вместе со всеми за одним столом, и доставалось нам всем от отца одинаково»[22]. По воспоминаниям сестры Михаила и Саши, Анны, Георгий называл ее отца *дядя Миша.*

Есть и другие факты, опровергающие легенду о несчастном и забитом ребенке-рабочем. В 1912 году дядя Миша по случаю окончания срока ученичества подарил племяннику целый гардероб: два пальто, костюм-тройку, ботинки, белье и некоторую сумму денег. Он нанял его на работу и положил очень неплохое жалованье: 25 рублей в месяц (18, утверждает Жуков в «Воспоминаниях»). Сравним это с 90 рублями, которые отец Жукова зарабатывал трудом деревенского сапожника за год. Дядя предложил юноше остаться у него «на полном пансионе», но Георгий, сначала согласившись, потом все-таки выбрал независимость. Предположительно, в начале 1913 года он поселился в буржуазном доме на пересечении Тверской и Охотного Ряда, в самом шикарном районе Москвы. За 3 рубля в месяц он снимал койку у вдовы Малышевой. Отдельная кровать! Настоящая роскошь в городе, страдающем от острого жилищного кризиса, когда большинство рабочих спят на деревянных нарах в бараках, не имея иного постельного белья, кроме собственного грязного пальто.

Есть фотография, сделанная в том же году, где Георгий с его учеником и двумя кузенами, Михаилом и Сашей. Георгий сидит в кресле, спина прямая, взгляд излучает уверенность и властность. На ногах сверкающие лаком штиблеты, прекрасно отутюженная складка на брюках, безукоризненно натянутые гетры. Как и на его двоюродных братьях, на нем костюм-тройка (подарок дяди), сорочка с крахмальным воротничком, галстук. Прическа «на польский манер», то есть с косым пробором и с ниспадающей на лоб челкой, контрастирует с прической ученика – традиционной, мужицкой, с пробором посередине. Будущий маршал Красной армии выглядит как представитель в значительной степени обуржуазившейся московской рабочей аристократии. По одежде и внешнему виду трудно понять, кто из изображенных на снимке молодых

[21] *Александров И.* Маршал Жуков, полководец и человек. М.: АПН, 1988. Т. 1. С. 17; *Жукова М.Г.* Георгий Жуков. С. 267.
[22] *Александров И.* Указ. соч. С. 18.

людей сын, а кто племянник хозяина. Если бы не война 1914 года, Жуков наверняка стал бы меховщиком, хозяином собственного дела. С его энергий и умом, да при помощи дяди, он непременно добился бы успеха. Он стал бы таким же грубым и требовательным хозяином для своих рабочих, каким грубым и требовательным командиром стал для солдат.

На другом снимке[23], датируемом 1913 или 1914 годом, запечатлены все Пилихины, снявшиеся в ателье фотографа, на фоне драпировок и зеленых растений. Отец, лысый и бородатый, сидит, весело улыбаясь. Его супруга с суровым лицом стоит напряженная, одетая в платье с бархатной отделкой. По бокам родителей и их четверых детей стоят двое слуг. Георгий Константинович, при галстуке, в костюме, держит за руку свою двоюродную сестру Анну. Его двоюродный брат Александр стоит немного в стороне, в непринужденной позе, с немного презрительным выражением лица. Эта фотография, еще ярче, чем предыдущая, подтверждает: Жуков – полноправный член семьи Пилихиных.

В 1912 году произошло событие, о котором не упомянуто в «Воспоминаниях», но которое не могло не наложить своего отпечатка на молодого человека. Его мать, которую он очень любил, тяжело заболела. Она приехала в Москву к брату. По воспоминаниям Михаила Пилихина, его отец на целый месяц оставил ее в своем доме и оплатил операцию, спасшую ей жизнь. Летом Георгий получил разрешение проводить Устинью в Стрелковку. И это называется плохим обращением? Можно предположить, что данный эпизод не вошел в мемуары маршала, потому что не вписывался в созданный в них образ хозяина, каким он должен был быть в советском литературном произведении. Добавим, что Михаил, младший из двоюродных братьев Жукова, должен был по меньшей мере обидеться за портрет своего отца, представленный советским читателям. Очевидно, он высказал Георгию свое мнение об этом, когда тот в 1969 году, после выхода «Воспоминаний», пригласил его доживать свой век вместе с ним. Родственники виделись каждый день, вместе охотились и рыбачили – дополнительное свидетельство привязанности Жукова к Пилихиным. Добавим, что однажды, ради того, чтобы помочь Пилихиным, Жуков совершил поступок, который мог стоить ему карьеры, если не большего. Стал бы он это делать, если бы дядя и тетя действительно дурно с ним обращались? В 1930 году, в период коллективизации, власти Черной Грязи конфисковали у Ольги Гавриловны, вдовы дяди Михаила, дом, переселив ее с семьей во флигель. Жуков, бывший в тот момент командиром полка, написал письмо местным коммунистам с просьбой не зачислять гражданку Пилихину в категорию кулаков, что означало для нее гражданскую смерть. Жуков знал, что письмо попадет в органы госбезопасности и навсегда ляжет в заведенное на него досье. Очевидно, письмо красного командира произвело впечатление на большевиков Черной Грязи, и те вернули дом, но не скот. В 1934 году, после смерти Ольги, семья Пилихиных все-таки была изгнана из своего дома, и в этот раз Жуков ничем не смог помочь.

Суровый юноша в суровом мире

В воспоминаниях Пилихина, как и в описаниях военной биографии Жукова, образ молодого Георгия предстает не таким, каким маршал описывает себя в своих мемуарах: трудолюбивым, спокойным юношей, интересующимся политическими вопросами. Анна, двоюродная сестра Георгия, вспоминает о нем как о драчуне с горячей головой, не любившем разглагольствовать и отвечавшем ударом на удар. В этом нет ничего удивительного. Русский крестьянин известен – и внушает страх – своей склонностью к насилию и равнодушием к человеческой жизни, то есть тем, в чем будут упрекать полководца Жукова. В статье о русском мужике, вышедшей в Берлине в 1922 году, Горький так описывает свой ужас перед русским

[23] *Никоноров А.В.* Великий полководец Маршал Жуков, исследование жизни и деятельности. (рук.). Т. 1. М.: Локус Станди, 2010. С. 17.

насилием: «Я думаю, что русскому народу исключительно – так же исключительно, как англичанину чувство юмора, – свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли… В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное. […] Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне. […] Детей бьют тоже очень усердно. […] Вообще в России очень любят бить, все равно – кого. „Народная“ мудрость считает битого человека весьма ценным: „За битого двух небитых дают, да и то не берут“»[24].

Сам Георгий описывает, что на Урюпинской ярмарке ударил палкой по голове приказчика, который избивал его. Удар оказался таким сильным, что тот потерял сознание. Решив, что убил его, Георгий сбежал и спрятался. Он только через несколько дней вернулся к дяде, который его простил. Со своей стороны, Михаил Пилихин рассказывает, что в 1912 году, в Стрелковке, Георгий слишком активно использовал успех, который имел у девушек благодаря своему умению танцевать. Жених одной из них, Мани Мельниковой, приревновав ее к Георгию, пригрозил ему револьвером. Георгий выбил оружие из руки соперника и поколотил его. Он также был сильно влюблен в некую Нюру Синельщикову. Узнав о скорой свадьбе своей красавицы, он, как безумный, бродил по улочкам Стрелковки, повторяя: «Нюрка, что ты сделала?!» Друзьям с большим трудом удалось привести его в чувство. Вся его солдатская жизнь подтвердит эту любовь к физическому противостоянию, эту склонность к внезапным вспышкам гнева. Жуков был столь же груб, сколь самоуверен, столь же импульсивен, сколь тщеславен. Русская привычка к оплеухам и кулачным ударам практиковалась на всех уровнях Советской армии. В отличие от своих коллег Жуков не избивал подчиненных. Его «специализацией» были публичное унижение и упражнения в грубой словесности, которые становились тем оскорбительнее, чем более высокий ранг занимал его визави.

Был ли Георгий Жуков тем образцовым самоучкой, столь дорогим большевистской идеологии? В своей автобиографии, написанной в 1938 году, он указал, что в Москве проучился пять месяцев на вечерних курсах, которые не окончил из-за нехватки средств. Он заявил, что сдал экзамены за четвертый класс школы только в 1920 году, для поступления на кавалерийские курсы. В 1948 году, при переводе его в Уральский военный округ, версия меняется: Жуков приписывает себе один год обучения в городе, на вечерних курсах, и сдачу экзаменов; эта же версия присутствует и в его «Воспоминаниях». Он путает даты: якобы экзамены за четвертый класс он сдавал в 1908 году, что совершенно невозможно, поскольку в Москву он приехал только в сентябре этого года. В «Воспоминаниях» он исправляет ошибку: 1908 год превращается в 1911. Первая версия, та, что появилась в 1938 году, очевидно, правильная: кто стал бы врать армейским политорганам в разгар сталинского Большого террора, когда малейшая ложь могла вызвать серьезные подозрения и почти немедленно стать основанием для начала следствия? С другой стороны, зачем Жукову было выдумывать, будто он сдавал экзамены в 1920 году, если армейским политическим органам или НКВД это легко было проверить по архивам Рязанской кавалерийской школы?

В таком случае почему он бросил вечерние курсы? Из-за отсутствия средств, написал он в 1938 году. Но его жалованье позволяло ему оплачивать учебу начиная с 1912 года. Объяснение Михаила Пилихина выглядит более правдоподобным: Георгий «стал с Александром ходить в театры, кино, по концертам». Молодой человек пользовался своей независимостью, предпочитал наслаждаться радостью и оживлением, царившими в Москве, а не сидеть над книжками, что, впрочем, не помешало ему позднее жадно и много читать. Немаловажный факт: он влюбился в Марию Малышеву, дочь своей квартирной хозяйки, девушку, стоявшую выше его на социальной лестнице, поскольку ее мать владела недвижимостью в центре Москвы. Роман был

[24] *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922.

серьезным, и на лето 1914 года уже назначили свадьбу, но ветер Истории помешал Георгию Жукову реализовать его планы, бросив в первый в его жизни катаклизм.

Война!

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. В 7 часов вечера посол Пурталес вручил соответствующую ноту российскому министру иностранных дел Сазонову в ходе не столько воинственной, сколько сентиментальной сцены, полной предчувствий грядущей катастрофы. «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях», – закончил свою речь немец и, в крайнем волнении, прослезившись, обнял своего визави. Возможно, в этот момент Сазонов вспомнил строки, написанные за шесть месяцев до того бывшим министром внутренних дел Петром Николаевичем Дурново, оказавшиеся пророческими:

«…В случае неудачи [в войне], возможность которой, при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна.

Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»[25].

С самого начала войны на Россию, вынужденную сражаться с тремя противниками: Германией, Австро-Венгрией и Турцией, вступившей в войну 29 октября, – обрушились дурные вести. В конце сентября стало известно, что две ее армии, вступившие в Восточную Пруссию, потерпели унизительное поражение. Командующий одной из них, генерал Самсонов, застрелился; командующего другой, имевшего немецкие корни, – Ренненкампфа – обвиняли в измене. К концу года кайзеровские войска стояли всего в 80 километрах от Варшавы. Около 1,8 миллиона русских солдат и офицеров было убито, ранено, пропало без вести и взято в плен: почти половина обученных военнослужащих, которыми страна располагала летом 1914 года… Пошли слухи о нехватке оружия, боеприпасов, о том, что раненые умирают десятками тысяч из-за отсутствия ухода и лечения. Боевой дух войск падал. В прифронтовой полосе участились грабежи. Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Данилов сообщал руководству о резком всплеске количества случаев членовредительства и дезертирства. На улицах Москвы и Санкт-Петербурга появились первые инвалиды войны. В своих мемуарах Жуков вспоминает об этом зрелище, мало способствовавшем поддержанию воинственного духа.

Как воспринял начавшуюся войну молодой рабочий-скорняк? Его поразили два события, которые он объясняет проявлениями шовинизма. «Начало Первой мировой войны запомнилось мне погромом иностранных магазинов в Москве»[26]. В первую очередь, громили немец-

---

[25] Опубликовано в 1922 г. газетой «Красная новь». В своей книге «Русская революция» Ричард Пайпс пишет по поводу этого документа: «Не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку» (Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Т. 1. С. 239).

[26] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 28.

кие и австрийские магазины. В городе в то время проживало 7500 немцев, в огромном большинстве – российских подданных, выходцев из прибалтийских губерний и с Поволжья. Их значение в экономической жизни намного превосходило их численность; их двуязычие часто позволяло возглавлять филиалы предприятий, пришедших на российский рынок за предшествовавшие двадцать лет. После объявления войны антинемецкие инциденты произошли в Санкт-Петербурге. Посольство Германии на Мариинской площади было разгромлено. Многие видные фигуры, вроде ориенталиста Вильгельма Вильгельмовича Струве, спешили русифицировать свои немецкие имена – последний превратился в Василия Васильевича. Сам царь приказал переименовать свою столицу, ставшую отныне Петроградом.

В Москве первые немецкие погромы прошли в октябре 1914 года. Быстрое вмешательство полиции позволило ограничить ущерб несколькими кондитерскими и булочными; 21 человек был арестован. Вторая волна насилия случилась 26 мая 1915 года. Действительно ли она была организована полицией, как о том свидетельствует Джунковский[27], начальник Корпуса жандармов? Если их спровоцировали слухи об отравлении городской воды агентами кайзера, то истинную причину беспорядков следует искать в решении Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, открывшего широкомасштабную охоту на шпионов и приказавшего депортировать во внутренние районы страны 3,5 миллиона евреев и прибалтов, скопом заподозренных в шпионаже в пользу противника. В Москве разгромлены магазины, считающиеся немецкими. Прохожих с германской внешностью – то есть, попросту, хорошо одетых – останавливали, избивали, грабили. Толпа ругала «царицу-немку», требовала заточить ее в монастырь. Перед Кремлем раздавались призывы к свержению Николая II. Ксенофобские эксцессы, за которыми скрывалась растущая враждебность к царю и его окружению, прекратились только через четыре дня после вмешательства армии, которая убила и ранила по меньшей мере 50 погромщиков. Очевидно, последние события и имел в виду Жуков, но ошибся в датах.

Второе событие лета 1914 года, отраженное в «Воспоминаниях», касалось Георгия напрямую. Его двоюродный брат и лучший друг Саша Пилихин решил идти добровольцем на фронт и звал его с собой. «Вначале мне понравилось его предложение, но все же я решил посоветоваться с Федором Ивановичем [Колесовым] – самым авторитетным для меня человеком». Ответ рабочего, который, само собой, читает «Правду», содержит идеологическую направленность, которую маршал хотел придать рассказу о своей юности: «Мне понятно желание Александра: у него отец богатый, ему есть за что воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет?.. Вернешься калекой – никому не будешь нужен»[28]. В этом эпизоде присутствует все, что высокопоставленный советский военачальник должен был сказать о той войне: ленинское определение ее характера как империалистической, не высказанный открыто, но подразумевающийся лозунг «У пролетариев нет отечества», легенды о политически активном отце, якобы высланном из Москвы в 1905 году, и о крайней бедности семьи. Как мать могла умирать с голоду, если сын зарабатывал по 25 рублей в месяц? Когда маршал писал эти строки, данное противоречие не бросилось ему в глаза. А они могли быть написаны только им или Миркиной, поскольку в не правленном цензурой варианте «Воспоминаний» Колесову приписываются те же самые слова. «Эти слова меня убедили, и я сказал Саше, что на войну не пойду. Обругав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжело раненным[29].

Вот так Георгий, просвещенный марксистско-ленинским учением, преподаваемым ему рабочим Колесовым, избежал идеологической ловушки, расставленной ему двоюродным бра-

[27] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 560–567.

[28] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 29.

[29] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 29.

том, этим мелкобуржуазным шовинистом, спешившим защищать свои классовые интересы. Вполне возможно, что этот Колесов действительно был большевиком. К 1914 году ленинская партия установила свой контроль над крупнейшими московскими профсоюзами, а «Правда» выходила тиражом в 40 000. Но, чтобы услышать аргументы Колесова, чтобы отказаться от предложения Саши – друга и двоюродного брата, Георгий должен был иметь по-настоящему развитое политическое сознание. Интересовался ли он политикой в 18 лет? Никаких подтверждений этому не имеется. В своих «Воспоминаниях» он утверждает противоположное: «В то время я слабо разбирался в политических вопросах»[30]. Во всех местах, где говорится о политике, чувствуется фальшь. В действительности, как признаёт Жуков, «скорняки отличались тогда своей аполитичностью. […] Мастер-скорняк жил своими интересами, у каждого был свой мирок»[31]. У нас нет никаких оснований думать, будто Георгий Жуков отличался в этом от своих коллег и что его отказ пойти на фронт добровольцем в 1914 году имел под собой политические мотивы, поскольку у нас нет абсолютно никаких подтверждений того, что он в то время проявлял хоть какой-то интерес к политике или военному делу либо был движим интернационалистскими побуждениями. Логичнее предположить, что он сохранил ту огромную настороженность к войне и армии, что существовала у мужика. Летом 1914-го в России было немало бурных проявлений патриотизма, но лишь со стороны образованных слоев в крупных городах. В деревнях же, напротив, были равнодушие, непонимание и фатализм. Д. Оскин, один из редких летописцев этой войны, описывавший ее с крестьянской точки зрения, передает, что семейные мужики приходили на призывные пункты в полной депрессии, остальные были мрачными и молчаливыми. Эти подавленные люди подняли бунты, разгромив в тридцати одном округе сотни складов спиртного, закрытых по распоряжению правительства. Под воздействием алкоголя они штурмовали вокзалы, магазины и даже частные дома. В докладе министра иностранных дел указывается, что по дороге на фронт солдатами было убито 225 человек, в том числе 60 полицейских. Брошенный режимом клич «За веру, царя и Отечество!» не вызывал трепета в душе молодого скорняка, который продолжал вести жизнь простую, но уже лучшую, чем жизнь его родителей.

Молодой человек, не рвущийся идти воевать

Действительно ли Саша был мелким буржуа и шовинистом, в чем его подозревал двоюродный брат? Его последующий жизненный путь, о котором Георгий умолчал, опровергает это предположение. А ведь он вел себя политически правильно, и будущему маршалу не следовало бы его стыдиться, совсем наоборот. Саша был ранен на фронте, как пишет Жуков, но не через два месяца после прибытия туда. И вернулся он отнюдь не инвалидом. Из воспоминаний его брата Михаила мы знаем, что старший из Пилихиных вышел из военного госпиталя в ноябре 1917 года и отправился долечиваться к матери, в Черную Грязь, неподалеку от Стрелковки, и пробыл там до 1918 года, а потом добровольцем пошел… в Красную армию. Он погиб под Царицыном, будущим Сталинградом, сражаясь против белых. Зачем Жуков придумал эту инвалидность – несовместимую с его возвращением на фронт в 1918 году? По той же причине, по которой умолчал о вступлении двоюродного брата в Рабоче-крестьянскую Красную армию: чтобы не разрушать целостность идеологически окрашенного описания своих детства и юности. История о кузене, вернувшемся калекой, провоевав всего два месяца, выдумана исключительно для подтверждения слов рабочего Колесова о характере Первой мировой войны. Возможно, Георгий также хотел избежать параллелей между его поведением и поведением Саши. Из двух двоюродных братьев один продолжает готовиться к свадьбе с выгодной

[30] Там же. С. 28.

[31] Там же. С. 43.

невестой Марией Малышевой, а другой тем временем идет на фронт, где проведет три года и будет тяжело ранен. Жуков, как и огромное большинство русских людей того времени, не был заражен воинственным патриотизмом и не считал, что судьба матушки-России зависит от исхода Первой мировой войны. Его поведение контрастирует и с поведением его будущего друга, Ивана Баграмяна, который, будучи моложе его на один год, в 1915 году пошел воевать добровольцем. Конечно, мотивацию Баграмяна, отправившегося сражаться с турками, как раз в это время учинившими резню его соплеменников-армян, понять легко. Но ведь и другие будущие соратники Жукова пошли в 1914 году на фронт добровольцами: русские Павел Батов, Родион Малиновский и Александр Василевский и полурусский-полуполяк Константин Рокоссовский.

Наконец, в первом издании жуковских мемуаров обойден молчанием еще один эпизод, разрушающий выдумки о тяжелом детстве. Михаил Пилихин в своих воспоминаниях рассказывает, что его отец, дядя Миша, предложил Георгию помощь в уклонении от призыва в армию. Георгий, по словам Михаила, отказался. Зачем надо было умалчивать о предложении дяди и собственном решении, которое свидетельствует только на пользу тому, кто его принял?

Ответ, очевидно, заключается в огромной сумме, которую стоило в то время фиктивное медицинское свидетельство, освобождавшее от службы в армии. Выходит, дядя, чей сын воевал на фронте, так сильно любил племянника, что готов был пойти на большие финансовые жертвы, чтобы избавить того от той же участи. Подобное признание было бы подобно мощному заряду динамита, на клочки разносящему сказку о дяде-эксплуататоре с каменным сердцем.

Неужели Жуков так легко принес в жертву идеологии память о дяде, который так много для него сделал? Все не так просто. В десятом издании «Воспоминаний», вышедшем в 1990 году, восстановлен абзац, вырезанный цензурой в 1969 году: «Мой хозяин, ценивший меня по работе, сказал: «Если хочешь, я устрою так, что тебя оставят на год по болезни и, может быть, оставят по чистой». Я ответил, что вполне здоров и могу идти на фронт. «Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша?» Я сказал, что по своему долгу обязан защищать Родину. На этом разговор был закончен и больше не возникал»[32]. Значит, о целостности идеологически выверенного рассказа о юности Жукова больше беспокоились Миркина или цензурный комитет, чем он сам.

Весной 1915 года положение России ухудшилось. Ни на фронте, ни на складах не было снарядов. Поэтому, когда немцы 19 апреля перешли в наступление возле Горлице, на юге Польши, они без труда прорвали русские позиции. Фронт рухнул, словно карточный домик. Русская армия начала «великое отступление» на восток. Были оставлены Галиция, Польша, Литва, Курляндия. Почти миллион солдат и офицеров были убиты, еще миллион с лишним попали в плен. Союзников удивлял не столько масштаб потерь – их собственные были не меньшими, – а та легкость, с которой великий князь Николай Николаевич к ним относился. «Мы счастливы, – заявил он генералу Лагишу, руководителю французской миссии, – принести такие жертвы ради наших союзников»[33]. Жуков совершенно не упоминает об этих потерях, хотя во время Первой мировой войны цифры их широко использовались большевистской пропагандой. Еще бы! Ведь когда он будет одним из высших начальников Красной армии, за первые шесть месяцев войны в 1941 году она потеряет около 5 миллионов солдат и 45 000 офицеров! В два или три раза больше, чем царская армия.

Лето 1915-го в России время хаоса. Дезертиров считают уже на десятки тысяч. Дороги забиты миллионами беженцев: поляков, белорусов, евреев. Альфред Нокс, британский военный представитель при Ставке Верховного главнокомандующего, наблюдал за двигавшимся на восток бесконечным людским потоком; тысячи людей умирали от страшной жары. «Я уви-

[32] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 10-е изд. М.: АПН, 1990. С. 63–64.

[33] *Knox A.* With the Russian Army. Londres. Hutchinson & Co, 1921. P. 90.

дел крестьянин [поляка], стоически управлявшего телегой, на которой лежал труп его жены, а по бокам сидели их дети. Он продолжал поиски католического кладбища»[34]. 22 июля 1915 года пала Варшава, 13-го германцы форсировали Буг и овладели крепостью Брест-Литовск, где нашли огромные запасы тех самых снарядов, которых так не хватало на фронте. Великий князь Николай Николаевич потерял нити управления и находился в состоянии полной подавленности; начальник его Янушкевич был одним из полнейших ничтожеств за всю историю русской армии. Надвигался политический кризис с неизбежными поисками козлов отпущения. Германских агентов видели всюду. В июне 1915 года военный министр Сухомлинов, человек, близкий к царю, был арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене и посажен в Петропавловскую крепость. На посту министра его сменил генерал Поливанов – любимец либералов.

Людские потери были так велики, что в июле 1915 года было решено прибегнуть к чрезвычайным мерам. Были отменены отсрочки от призыва по семейным обстоятельствам. В деревнях это вызвало подавленность. До сих пор закон не позволял забирать в армию единственного кормильца в семье. Второй мерой стал досрочный призыв родившихся в 1896 году. Эти новшества спровоцировали бунты на многих призывных пунктах. Женщины перекрывали движение по железным дорогам. Происходили нападения на полицейских; многих линчевали под крики: «Это вы должны идти на фронт!» Неприятие войны основной массой крестьянства показал провал попыток режима подражать западной модели «вооруженной нации». Но, несмотря на сопротивление, 2,9 миллиона молодых людей были взяты в армию и присоединились к 8,7 миллиона, уже носившим военную форму. В их числе оказался и Георгий Константинович Жуков, которому тогда было почти 19 лет и который собирался жениться. В августе 1915 года он получил повестку. «Особого энтузиазма я не испытывал. […] однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию»[35].

[34] *Knox A.* Op. cit. P. 323.

[35] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 29.

Глава 2
Драгун на войне и в революции. 1915-1917

7 августа 1915 года Георгий Константинович Жуков, неполных 19 лет от роду, вошел в малоярославскую казарму, чтобы вступить в ряды императорской армии. Обруганный унтер-офицерами, ошеломленный резкой переменой в своей жизни, он всего через несколько дней вместе с несколькими сотнями своих товарищей уже стоял, вытянувшись по стойке «смирно», на плацу. Наголо остриженные, в форме защитного цвета, новобранцы услышали команду «на колени!». Потом, склонив голову, мощным хором они повторяли слова присяги царю – хозяину земли Русской и ее жителей: «…обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому… верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять…» Молодые крестьяне, не понимая смысла большинства слов, просто повторяли их.

К большому своему удовлетворению Георгий Константинович узнал, что зачислен в кавалерию. «Я всегда восхищался этим романтическим родом войск», – напишет он в своих «Воспоминаниях»[36]. Это единственное проявление какого бы то ни было интереса с его стороны к военному делу до 1915 года. Во всяком случае, примечательно, что пятьдесят лет спустя он не произнесет ни единого дурного слова о роде войск, про который Троцкий говорил: «Конница была самым реакционным рядом войск и дольше всего поддерживала царский режим»[37]. Кавалерийские полки, две трети которых были казачьими, со времени царствования Александра III активно использовались для подавления народных выступлений. Среди кавалерийских офицеров был наибольший процент выходцев из аристократических семей, которые даже простому солдату-кавалеристу умели привить частичку собственного снобизма и чувства превосходства над окружающими. Жуков прослужит в коннице больше двадцати лет, и всю жизнь будет чувствовать духовную связь с этим родом войск.

В 1915 году русская кавалерия была самой многочисленной в мире. На момент начала войны в ней насчитывалось 36 дивизий, то есть почти 240 полков, или более 240 000 сабель. Сравнивая эти цифры с численностью пехоты (всего 114 дивизий), можно даже говорить о гипертрофированном развитии конницы, содержание которой тяжелым бременем ложилось на всю неустойчивую систему военного бюджета. Например, только содержание 5000 лошадей в одной кавалерийской дивизии требовало в четыре-пять раз больше транспортных средств, чем было необходимо пехотной дивизии.

Если Жуков был так влюблен в кавалерию, значит, он умел ездить верхом. Где и когда этому научился, он не сообщает. Это могло быть только в Стрелковке, возможно, на лошади, принадлежавшей его родителям. С момента зачисления в конницу он расстался со своими деревенскими приятелями, зачисленными в 57-ю Калужскую пехотную дивизию; они войдут в состав той самой, формируемой главным образом из крестьян пехтуры, которую, не жалея, будут бросать в пекло боев и царь, и Сталин. 15 августа молодого человека отправили в товарном вагоне в Калугу. «Кругом были люди незнакомые, такие же безусые ребята, как и я.

[36] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 30.

[37] *Trotski.* How the Revolution Armed: The Military Writings and Speeches. Vol. 2. P. 412.

[…] Впервые за все время я так сильно почувствовал тоску и одиночество. Кончилась моя юность»[38].

В Калуге Жукова поселили в грязных казармах 189-го резервного пехотного батальона, служившего для подготовки новобранцев для 5-го запасного кавалерийского полка, расположенного в Балаклее, недалеко от Харькова. В этом батальоне он в течение месяца получал базовую подготовку пехотинца: его обучали стрельбе из винтовки и пулемета, метанию гранат, фехтованию на штыках – обычное обучение для драгун, которые были скорее посаженной на коней пехотой, чем конницей, и чаще сражались в пешем, а не в конном строю. Можно ручаться, что занятия по стрелковой подготовке не пугали юного новобранца, который с детства охотился летом и зимой. Всю свою жизнь Жуков любил оружие и собрал богатую коллекцию, изрядно пополнившуюся в 1945 году за счет трофеев, взятых в усадьбах прусских юнкеров.

В сентябре 1915 года новобранец из Стрелковки, получив первоначальную подготовку, был направлен в Балаклею, в свой полк, входивший в состав 10-й кавалерийской дивизии[39]. Это было элитное соединение, включавшее 10-й Новгородский драгунский полк, которым командовал полковник Клевцов и куда будет зачислен Жуков, 10-й Одесский уланский полк, 10-й Ингерманландский гусарский полк, 1-й Оренбургский казачий полк и две донские казачьи батареи конной артиллерии. На следующий день после прибытия рекруты получили обмундирование – не такое красивое, как у гусар, по оценке Георгия[40], оружие и лошадь со сбруей. Жукову досталась очень строптивая кобыла темно-серой масти по кличке Чашечная, о которой маршал, как настоящий кавалерист, будет с теплом вспоминать и полвека спустя.

Теперь начинается собственно кавалерийская подготовка, которая продлится семь месяцев. Вольтижировка, маневрирование в строю, умение обращаться с пикой и саблей, обучение уходу за лошадьми – все это происходило под руководством двух унтер-офицеров. Один из них, некий Бородавко, немилосердно издевался над подчиненными. «И как только он не издевался над солдатами! Днем гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их „грамотеями“ и слишком умными. А ночью по нескольку раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их». Он безжалостно колотил молодых солдат и доводил всяческими злоупотреблениями. «Солдаты были доведены до крайности. Сговорившись, мы как-то подкараулили его в темном углу и, накинув ему на голову попону, избили до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда…»[41] Такой способ сведения счетов, бывший традицией царской армии, сохранился в армии советской и остается бедствием современной российской армии. Если бы не вмешательство командира эскадрона, не миновать бы Жукову дисциплинарного батальона. Учитывая ситуацию на фронте в 1915 году, он вряд ли дожил бы до старости. Благоприятное для солдат решение дела позволяет нам предположить, что избиение унтер-офицера в глазах офицеров не являлось серьезным преступлением, что ясно указывает на отношение к унтер-офицерам в царской армии. Красная армия не сможет сколько-нибудь заметно изменить его в лучшую сторону, что даст вермахту серьезное преимущество перед ней. Став в 1956 году министром обороны, Жуков, убедившись, что их авторитет упал еще ниже, попытается исправить ситуацию с положением сержантов и старшин (унтер-офицеров).

---

[38] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 30.

[39] Эта дивизия входила в состав 3-го кавалерийского корпуса 9-й армии.

[40] Полевой формой русской армии начиная с 1908 г. была форма цвета хаки. Жуков, очевидно, имеет в виду парадную форму гусар: белая фуражка, малиновые шнуровка и выпушка. Он всегда будет проявлять большой интерес к форме и станет одним из сторонников введения в Красной армии более красивого обмундирования. Сам он всегда был одет безупречно и не терпел ни малейшей небрежности во внешнем виде своих подчиненных.

[41] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 33.

Тяжкая доля солдата-мужика

Какой бы тяжелой ни была доля кавалериста Жукова, она была в несколько раз лучше доли пехотинца из крестьян. Плохо одетый, плохо накормленный, получающий ничтожно малое денежное довольствие и отвратительное медицинское обслуживание, зачастую неграмотный (в 1914 году 61,7 % новобранцев не могли прочитать собственную фамилию), он являлся не человеком, а бесправным существом, парией. Возможно, вследствие подобного отношения, культурной и политической отчужденности эти солдаты из крестьян не проявляли никакого интереса к войне, на что жаловался генерал Брусилов, командовавший в то время одной из армий: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война стряслась им на голову, как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы, не знал почти никто. Что такое славяне – было им также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»[42].

Случаи рукоприкладства в царской армии, хотя и не редкие, все же не были таким распространенным явлением, как о том рассказывали в советские времена, и официально запрещены офицерам. В отличие от рассказов Жукова Красная армия не только не порвала с этой отвратительной традицией, но и далеко превзошла царскую. Во время Второй мировой войны множество советских генералов будут избивать не только солдат, но и своих коллег. Маршал авиации Голованов[43] рассказывал, что Конев однажды сказал ему: «Да я лучше морду ему [провинившемуся офицеру] набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!» Генерал-полковник авиации Байдуков рассказывал журналисту Феликсу Чуеву[44], что зимой 1942 года увидел, как генерал Захаров выходит от Конева с разбитым до крови носом. «Ударил, сволочь!» – сказал Захаров. «Что ж такое, Матвей Васильевич, брал Зимний дворец, пистолет на боку висит, ты бы его проучил!» – совершенно серьезно посоветовал Байдуков. Хрущев в своих мемуарах[45] утверждал, что Сталин благосклонно относился к рукоприкладству в генеральской среде и вследствие этого такая практика распространилась вплоть до самых высших сфер. Если царская армия была проникнута презрением к солдату, в Красной армии господствовали бандитские обычаи.

Но спецификой императорской армии были не побои, а подчеркивание социальной неполноценности солдат. Еще в 1909 году, гуляя по Люблину, Брусилов пришел в ярость, увидев у входа в парк табличку, сообщающую: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен»[46]. Вплоть до 1917 года рядовым и унтер-офицерам – не важно, пехотинцам, артиллеристам или кавалеристам – запрещалось курить на улице, ездить в трамвае (зато им не возбранялось кататься на его подножке), заходить в театры, кинематографы, рестораны, трактиры и бордели. Им запрещалось ездить в поездах в вагонах первого и второго класса, а также входить в дом через парадную дверь.

Эти ограничения были бы унизительными, но и внутри самой армии существовали различия в положении офицеров и рядовых. К простому солдату офицер обращался на «ты» и низвергал на его голову потоки ругани – хотя формально это запрещалось уставом – вроде

---

[42] *Брусилов.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1946. С. 71.

[43] *Чуев Ф.* Солдаты империи. Беседы, воспоминания, документы. М.: Ковчег, 1998. С. 246.

[44] Там же. С. 42–43.

[45] *Khrouchtchev N.* Memoires inedits. Paris: Belfond, 1991. P. 384, 420.

[46] *Брусилов.* Указ. соч. С. 40.

классических «сволочь», «мерзавец» и многочисленных матерных вариаций по поводу матери жертвы. Жуков будет следовать этой традиции. В Красной армии он прославится легкостью, с которой станет бросать оскорбления, и талантом подбирать для этого особенно обидные слова. Эта привычка, распространенная в армии, также имеет корни в русской крестьянской традиции. Офицерские жены имели практически неограниченные возможности злоупотреблять бесплатной рабочей силой, согнанной в казармы. Первой обязанностью рекрута было заучить почтительные обращения, закрепленные за командирами разных чинов: для полковника – ваше благородие, для генералов – ваше превосходительство, для высших начальников – ваше высокопревосходительство. Нарушения установленных правил обращения караются самым строгим образом. И даже ответ на вопрос, заданный офицером, должен звучать так: «Рад стараться, ваше благородие». Тон солдата, приветствующего офицера, должен быть бодрым и почтительным.

Солдат царской армии, особенно выходец из крестьянской среды, часто был подвержен приступам хандры, тем более что он был почти совершенно лишен увольнительных, как и его советский преемник. Всегда с недоверчивостью относившийся к начальникам, он был легко восприимчив ко всем, даже самым нелепым слухам, вроде предстоявшего после окончания войны раздела помещичьих земель. Он был склонен к дезертирству – распространенное явление и в императорской армии, и в Красной армии Жукова. Есть еще две области, в которых красные образца 1941–1945 годов превзойдут царскую армию 1914–1917 годов: слабая дисциплина и повальное пьянство. Когда в результате Февральской революции 1917 года и знаменитого приказа № 1 начнется разложение армии, ненависть солдат-крестьян к «золотопогонникам» выйдет наружу.

В унтер-офицерской школе

В марте 1916 года обучение эскадрона, в который был зачислен Жуков, закончилось. Оно продолжалось восемь месяцев, на три месяца больше, чем обучение пехотинца. Это роскошь, которую царская армия не должна была бы позволять себе в том положении, в котором находилась. 17-го числа этого же месяца генерал Брусилов вступил в командование Юго-Западным фронтом и сразу же начал подготовку его четырех армий к крупному наступлению, которое войдет в историю под его именем и нанесет страшный удар австро-венгерской армии. 10-я кавалерийская дивизия была переброшена на юг, на левый фланг Юго-Западного фронта. Но Жукова в ее рядах не было. Он принял решение, которое определило его дальнейшую жизнь: согласился поступить в команду, где готовили унтер-офицеров. Располагалась она в Изюме, на Донце, далеко от мест предстоящих сражений.

Его взводный командир проявил настойчивость, выполняя в данном случае инструкции высшего командования. Русская армия страдала от сильной нехватки офицеров и унтер-офицеров, еще больше усугубившейся после огромных потерь 1914 и 1915 годов. Если говорить только об унтер-офицерах, то проведенное в 1903 году генералом Редигером, предшественником Сухомлинова на посту военного министра, исследование показало, что по штатному расписанию мирного времени в Германии на роту приходится двенадцать унтер-офицеров, во Франции шесть, в России – два, меньше, чем даже в армиях таких же крестьянских стран, как Италия и Австро-Венгрия, где их было трое. Такое положение объясняется, с одной стороны, малой привлекательностью военной службы для русских людей того времени, а с другой – общим низким уровнем образования. Действительно, унтер-офицеры традиционно набирались из числа ремесленников, торговцев или зажиточных крестьян – грамотных слоев, численность которых в России была невелика. Младшие унтер-офицеры, старшие унтер-офицеры и фельдфебели (младшие сержанты, сержанты и старшины) не имели тех привилегий, которыми пользовались их германские и британские собратья (например, питаться в отдельных от сол-

дат столовых), являвшиеся настоящим становым хребтом своих армий, получавшие хорошее жалованье и пользовавшиеся большим авторитетом. Стоявшие совсем немного выше рядовых, фельдфебели, которым помогали унтер-офицеры, с трудом поддерживали порядок в ротах, в которых насчитывалось по 200 рядовых, и эти полицейские функции они осуществляли в ущерб обучению и боевой подготовке. Хроническая нехватка офицеров и младших командиров будет также и одной из самых серьезных проблем Красной армии во время войны с нацистским рейхом. Что ни говори, а разрыв между царской и советской армиями был далеко не таким полным, как бы того хотелось Троцкому или Ленину.

В 1916 году военный министр решил взять быка за рога. Число команд, готовящих унтер-офицеров, было увеличено вчетверо. Предложение Жукову поступить в одну из них объясняется как тем, что у него за плечами было три класса церковно-приходской школы, следовательно, он был грамотным, так и безукоризненной выправкой, которую он, похоже, приобрел за время обучения сначала как пехотинец, а затем как кавалерист.

Но по какой причине он сам согласился сделать первый шаг к высоким чинам? Из честолюбия? Мы увидим, что эта черта была присуща Жукову на протяжении всей его карьеры. Потому что начал входить во вкус армейской жизни? Не исключено: желание подчинять, доминировать с детства отличало этого молодого человека, привыкшего командовать приятелями. Чтобы уйти из-под власти унтер-офицеров? Очень может быть, учитывая непомерную гордыню и непокорный характер нашего героя. Чтобы не идти на фронт? «Воспоминания» дают недвусмысленный утвердительный ответ. Но Маршал Советского Союза не может высказать подобный аргумент открыто. Поэтому он облачен в политически правильную форму. Как мы помним, рабочий – читатель «Правды» уже отговорил Георгия отправиться добровольцем на фронт в 1914 году, обращаясь к его «классовому сознанию». В марте 1916 года не названный по имени командир взвода советует рядовому Жукову стать унтер-офицером и приводит ему в пользу этого доводы, звучащие фальшиво: «На фронте ты еще, друг, будешь, – сказал он, – а сейчас изучи-ка лучше глубже военное дело, оно тебе пригодится. […] Потом, подумав немного, добавил: „Я вот не тороплюсь снова идти на фронт. За год на передовой я хорошо узнал, что это такое, и многое понял… Жаль, очень жаль, что так глупо гибнет наш народ, и за что, спрашивается?..“ Больше он мне ничего не сказал. Но чувствовалось, что в душе этого человека возникло и уже выбивалось наружу противоречие между долгом солдата и человека-гражданина, который не хотел мириться с произволом царского режима. Я поблагодарил его за совет и согласился пойти в учебную команду»[47]. То, что у Жукова в 1916 году было политическое сознание, столь же сомнительно, как то, что оно у него было в 1914-м, о чем он сам говорит через тридцать страниц, рассказывая о 1917 годе. Выжидательная тактика и желание продвинуться кажутся наиболее естественными и самыми вероятными мотивами его поведения. Мы убедимся в этом на других примерах.

Лебединая песня русской императорской армии

Обучение будущего унтер-офицера Жукова продолжалось до июня 1916 года, когда генерал Брусилов начал свое наступление, самое успешное наступление сил союзников на тот момент. В несколько дней Юго-Западный фронт разгромил четыре австро-венгерские армии и продвинулся на различных участках на глубину от 30 до 100 километров. В следующие недели в плен будут взяты 230 000 вражеских солдат и офицеров. Ветер победы реет над императорской армией, удивляющей ее западных союзников, неспособных выйти из смертельной неподвижности позиционной войны. Но Брусилов заплатил за свой успех высокую цену: 5000 офи-

[47] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 34.

церов и 60 000 солдат убиты, 370 000 ранены. Конечно, армия старого Франца-Иосифа никогда больше не оправится от полученного удара, но русские не достигли стратегических целей.

Итак, Жуков не участвовал в величайшей победе русского оружия в этой войне. Но позднее, командуя полком в Красной армии, он будет изучать эту ставшую классической операцию по прорыву стабильного фронта. Сам Брусилов, перейдя в 1920 году на службу Советам, будет излагать в своих статьях и выступлениях на лекциях, сначала как советник, а затем инспектор красной кавалерии, свои тактические и оперативные концепции. Жуков, как и другие советские полководцы Второй мировой войны, многое почерпнет из его теоретического наследия.

В общем плане советские военачальники заимствовали у Брусилова идею необходимости четкого планирования не только первоначальных операций, а и дальнейших действий. Он очень настаивал на необходимости достижения эффекта внезапности, сохранения секретности – дату начала Брусиловского наступления не знала даже царица Александра, на соблюдении мер маскировки, важности ведения разведки и наблюдения за противником (с интенсивным использованием аэрофотосъемки), систематическом применении отвлекающих действий. Командующий Юго-Западным фронтом оставил в наследство своим преемникам короткую, но массированную артиллерийскую подготовку и штурмовые группы, немедленно использующие ее результаты. Эти новые тактические приемы, считающиеся германским изобретением, как «дух Ричи» генерала Оскара фон Гутьера, являлись результатом совместного труда нескольких передовых русских офицеров.

Брусиловский прорыв не стал стратегическим успехом не из-за ошибок командующего, а из-за слабой координации между действиями его фронта с Северным (генерал Эверт) и Западным (генерал Куропаткин) фронтами. Два последних должны были тоже перейти в наступление, чтобы сковать своими действиями германские армии, но ни начальник штаба Ставки генерал Алексеев, ни сам царь не смогли заставить их исполнить свой долг. Воспользовавшись их бездействием, германцы смогли оказать помощь своим австро-венгерским союзникам и остановили наступление Брусилова. В ходе Великой Отечественной войны Жуков часто будет выполнять функции координатора действий нескольких фронтов, которого в 1916 году не существовало. Маршал Василевский в роли Алексеева и Сталин на месте царя не проявят слабостей, совершенных их предшественниками.

В Изюме, в барачном лагере, где проходит его подготовка, Жуков наверняка подобающим образом отпраздновал взятие 7 июня Луцка – древней столицы Волыни, потерянной в ходе великого отступления 1915 года. В частях проводятся торжественные построения, о новости пишут в газетах. Но для Жукова радость этой победы в один из ближайших дней будет омрачена мстительностью одного унтер-офицера – инструктора, который невзлюбил его и не допустил до выпускного экзамена. И это, как пишет Жуков, несмотря на то, что у него были отличные оценки. Но, может быть, в действительности дело объясняется возможной неграмотностью этого унтер-офицера, предложившего Жукову отказаться от должности командира отделения и остаться при нем писарем. Жуков отказался и был за это наказан: отчислен из команды.

Этот факт достаточно серьезен, чтобы Жукова вызвали к капитану – командиру учебной команды. Его реакция, описанная в «Воспоминаниях», очень показательна: «Я порядком перетрусил, так как до этого никогда не разговаривал с офицерами. „Ну, думаю, пропал! Видимо, дисциплинарного батальона не миновать“». Это может показаться невероятным: за десять месяцев службы рядовой Жуков ни разу не вступал в контакт с офицером. Ни в одной другой армии, за исключением, может быть, японской, не существовало такой пропасти между офицерским и рядовым составом: пропасти интеллектуальной, экономической, идеологической и даже языковой, отражавшей полное отсутствие единства в обществе царской России. В романе Михаила Шолохова «Тихий Дон», любимой книге Жукова, по словам одной из его дочерей, Эллы, простой казак Григорий Мелехов так описывает свою первую встречу с офицерами императорской армии: «Глядя на вылощенных, подтянутых офицеров в нарядных

бледно-серых шинелях и красиво подогнанных мундирах, Григорий чувствовал между собой и ими неперелазную невидимую стену; там аккуратно пульсировала своя, не по-казачьи нарядная, иная жизнь, без грязи, без вшей, без страха перед вахмистрами, частенько употреблявшими зубобой»[48].

Жуков заходил дальше в своих обвинениях в адрес царских генералов, обличая в своих «Воспоминаниях» «оперативно-тактическую неграмотность высшего офицерского и генеральского состава». Разумеется, в 1916 году, будучи рядовым кавалеристом, он не мог вынести подобное суждение. Следовательно, маршал задним числом выносит свой приговор, отражающий общее мнение генералов Красной армии об их предшественниках. После смерти Жукова (1974) советские историки, такие, как, например, Иван Ростунов, опровергнут это мнение. Этому примеру последуют их англоязычные коллеги; чтобы не перечислять всех, назовем только Джейкоба Киппа и Дэвида Р. Джонса. Наряду с действительно некомпетентными командирами, в царской армии служили превосходные строевые командиры и талантливые военные теоретики, достойно проявившие себя в ходе Первой мировой войны. В 1940–1941 годах сам Жуков будет работать бок о бок с одним из таких ненавистных ему «золотопогонников», маршалом Шапошниковым – единственным человеком, к которому Сталин уважительно обращался по имени-отчеству (Борис Михайлович) и которому разрешал садиться и курить в своем присутствии. Алексей Алексеевич Брусилов, настоящий профессионал в военном деле, несмотря на свое аристократическое происхождение и воспитание, перейдет на сторону большевиков со многими другими способными генералами, такими как Величко и Клембовский, а также с двумя бывшими царскими военными министрами – Поливановым и Верховским. Все они в 1920–1921 годах будут советниками молодой Красной армии.

Но вернемся к рядовому Жукову. Он был доброжелательно встречен своим капитаном, москвичом и бывшим ремесленником, как и он сам. Жуков сильно удивился тому, что офицер разговаривал с ним по-доброму. Этот случай явно не соответствует стереотипному образу офицера – выходца из дворянской среды. Хотя в цели нашей работы не входит анализ социального состава офицерского корпуса императорской армии, все же заметим, что этот капитан из простого народа, так по-доброму поговоривший с Жуковым, для 1916 года был фигурой типичной. Каждая военная реформа, начиная с 1870 года, все шире и шире открывала двери к получению офицерских погон представителям самых разных классов. Армия более, чем какой бы то ни было другой государственный институт при старом режиме, способствовала развитию социальной мобильности[49]. Колоссальные потери 1914–1915 годов, выкосившие тысячи кадровых прапорщиков, поручиков и капитанов, заставили военное командование набирать замену им из низших слоев городского и даже сельского населения.

Видимо, решив, что из этого парня выйдет толк, капитан, командовавший учебной командой, отменил решение старшего унтер-офицера. Жуков мог держать экзамен и, после его сдачи, стал младшим унтер-офицером (то есть младшим сержантом). Вскоре после этого события он сфотографировался, оставив нам единственное материальное подтверждение своей службы в царской армии. На снимке он в форме, в фуражке с коротким козырьком, сбитой на правый бок, «по-казачьи». За исключением этого – одежда его безукоризненна, взгляд прямой, на волевом подбородке ямочка – вид весьма бравый. Похоже, молодой рабочий, ставший в 20 лет драгуном, действительно вошел во вкус военной жизни. Оценку полученной им подготовки он даст спустя полвека: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифициро-

[48] *Шолохов М.* Тихий Дон. http://militera.lib.ru/prose/russian/sholohov3/03.html.

[49] Если в 1895 г. дворянами были 72,8 % офицеров, то в 1914-м их было не более 51,3 %, а в 1916-м – 20 %.

ванными военачальниками Красной Армии»[50]. Оценим это проявление корпоративного духа и дань уважения боевым товарищам: Рокоссовскому, Тимошенко, Буденному, которые все были кавалерийскими унтер-офицерами.

Отправка на фронт

В начале августа 1916 года, ровно через год после призыва, Жуков вместе с четырнадцатью своими товарищами отправляется на фронт. Он садится в Харькове на поезд и медленно едет на юго-запад. «Ехали мы очень долго, часами простаивая на разъездах, так как шла переброска на фронт какой-то пехотной дивизии. С фронта везли тяжелораненых, и санитарные поезда также стояли, пропуская эшелоны на фронт. От раненых мы многое узнали, и в первую очередь то, что наши войска очень плохо вооружены. Высший командный состав пользуется дурной репутацией, и среди солдат широко распространено мнение, что в верховном командовании сидят изменники, подкупленные немцами. Кормят солдат плохо. Эти известия с фронта действовали угнетающе, и мы молча расходились по вагонам»[51]. Картина эта, достоверная для 1915 года, никак не сочетается с тем, что нам известно о состоянии русской армии летом 1916 года. Жуков здесь повторяет штампы советской пропаганды: царизм не смог выиграть Первую мировую войну, а вот Советский Союз сумел выдержать гораздо более тяжелое испытание – Вторую мировую. Хотя в целом такое суждение верно, оно не учитывает многих деталей, тем более что Жуков попал на Юго-Западный фронт, где улучшение положения царской армии было наиболее очевидным после только одержанной Брусиловым победы. В его полку, в его дивизии царили высокий боевой дух и отличная дисциплина. 10-я кавалерийская дивизия являлась элитным соединением, отлично проявившим себя еще в боях с турками в 1877 году. Она была одним из основных творцов одержанной 21 августа 1914 года победы над австро-венграми под Ярославице – в последнем крупном кавалерийском сражении, в котором сошлись 2500 всадников. Что же касается снабжения императорской армии, то усилия созданного 30 августа 1915 года Особого совещания по обороне привели к значительному увеличению производства оружия и боеприпасов. В сентябре 1916 года заводы выпускали около 3 миллионов снарядов, что в двадцать раз больше, чем в августе 1914 года. Советские историки умалчивали об этих достижениях, хотя именно благодаря им в ноябре 1917 года красные располагали запасами в 18 миллионов снарядов, которые позволили им сражаться в течение всего первого года Гражданской войны.

Боевое крещение Жуков получил приблизительно 15 августа 1916 года, на маленькой станции близ Каменца-Подольского, недалеко от румынской границы, где высадился его полк. Австрийский самолет сбросил несколько бомб на скопление людей и лошадей, а потом улетел на запад. Итог: один солдат убит, пять лошадей ранено. Младший унтер-офицер Жуков оказался на румынской границе потому, что 27 августа Румыния выступила на стороне Антанты, объявив войну Австро-Венгрии. Такая поспешность вступления Бухареста в войну объясняется успехами наступления южного крыла войск Брусилова – 9-й армии. Слева от нее действовал 3-й кавалерийский корпус численностью 10 000 сабель, в который входила и дивизия, где служил Жуков, 17 июня выступил из Черновцов, перешел через Серет, внезапно овладев мостом, и углубился на 100 километров на территорию Буковины. Севернее его 9-я армия вошла в Карпаты через Татарский перевал, угрожая Венгрии и в первую очередь Трансильвании. Румыны, мечтавшие присоединить Трансильванию, не желали ни в коем случае дать русским опередить себя, и потому решили тоже ввязаться в драку.

---

[50] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 36.

[51] Там же. С. 38.

В сентябре 1916 года Жуков со своим полком находился в Быстрице, недалеко от Татарского перевала. Этот лесистый и гористый район не подходит для действий конницы, но у Брусилова не осталось выбора. Он приказал кавалеристам спешиться, потому что к нему перестали поступать резервы, и он испытывал острую нехватку пехоты. Австро-венгерская 8-я армия опомнилась от первых поражений, и ситуация на фронте стабилизировалась. Жуков служил в разведывательной команде, ходившей в расположение неприятеля за языками. В своих «Воспоминаниях» Жуков пишет, что взял в плен немецкого офицера, за что был награжден своим первым Георгиевским крестом. Возможно, речь идет об одном из сотен офицеров связи, направленных Фалькенгайном, командующим 9-й армией, в помощь своим союзникам австро-венграм. Георгиевский крест был высшей российской наградой «за храбрость». Существовали орден Святого Георгия для офицеров и Георгиевский крест для унтер-офицеров и солдат; каждый имел четыре степени. Свой второй крест Жуков заслужил всего через несколько недель. Рокоссовский получит за эту войну три Георгиевских креста, Буденный – четыре.

Свежеиспеченный унтер-офицер не увидит румынского разгрома. В начале октября 1916 года, когда он находился в головном дозоре с двумя товарищами, шедшая первой лошадь наступила на мину. Двое ехавших впереди всадников получили тяжелые ранения, а Жуков был выброшен из седла и от удара потерял сознание. Очнулся он только через сутки, уже в госпитале. Сильно контуженный, он был эвакуирован в Харьков, где пробыл до декабря. Там ему прикололи к груди второй Георгиевский крест. Но он не совсем поправился: плохо слышал, страдал от головокружений. По решению медицинской комиссии он был отправлен в запасной эскадрон полка в Лагери на реке Донец, совсем рядом с Балаклеей. Жуков встретил там своих товарищей по эскадрону, с которыми расстался, когда перешел в команду по подготовке унтер-офицеров. Он еще не знал, что его участие в сражениях Первой мировой войны закончилось. Продолжалось оно всего лишь пять недель. Слабая задействованность в боевых операциях конницы, так резко контрастировавшая с перенапряжением пехоты, приведет большевистских лидеров, особенно Троцкого, к убеждению об отмирании кавалерии как рода войск, хотя в действительности она станет царицей полей сражений Гражданской войны. Красным придется наверстывать упущенное время и создавать свою конницу, чтобы достичь паритета с белыми, победить которых они могли бы гораздо раньше, если бы не эта их ошибка.

Русская армия устала от войны

В Лагери Жуков отмечает изменение настроений: «В конце 1916 года среди солдат все упорнее стали ходить слухи о забастовках и стачках рабочих в Петрограде, Москве и других городах. Говорили о большевиках, которые ведут борьбу против царя, за мир, за землю и свободу для трудового народа. Теперь уже и сами солдаты стали настойчиво требовать прекращения войны»[52]. Эти строки отражают усталость от войны, охватившую тыл и повлекшую за собой глубокий кризис зимы 1916/17 года. Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Бунин написал в своем дневнике 5 апреля 1916 года: «Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела»[53]. Через несколько месяцев, 1 января 1917 года, Морис Палеолог, посол Франции в Петрограде, отметил: «Если судить лишь по созвездиям русского неба, год начинается при дурных предзнаменованиях. Я констатирую везде беспокойство и уныние; войной больше не интересуются; в победу больше не верят; с покорностью ждут самых ужасных событий»[54].

---

[52] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 39.

[53] *Бунин А.И.* Устами Буниных. В 2 т. Т. 1. Посев, 2005. С. 130.

[54] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат. 1991. С. 266.

Эта усталость объясняется самим успехом мобилизации экономики. Оружейные заводы заработали на полную мощность в ущерб неустойчивому финансовому равновесию и слабо развитой транспортной инфраструктуре страны. Инфляционный взрыв, более мощный, чем в любом из воюющих государств, взметнул цены на недосягаемую высоту, недоступную для живущих на зарплату рабочих. Стало трудно приобрести продукты первой необходимости, такие как мясо, масло и молоко. Во многих бедах зимы 1916/17 года виновата задыхавшаяся железнодорожная сеть. Подвижной состав был задействован для подвоза войск, боеприпасов и снаряжения, в ущерб продовольственному снабжению городов. Через год подобный кризис поразит и Германию. В России положение усугублялось политическим кризисом, продолжавшимся с 1905 года. Государственная дума старательно противодействовала усилиям царя и его министров, вербовала сторонников среди генералов – в том числе Алексеева, начальника штаба Ставки, – готовя государственный переворот. Упорные слухи о предательстве императрицы Александры, немки по происхождению, в сочетании с рассказами о влиянии Распутина и его отношениях с царской семьей, еще сильнее подрывали престиж царя и авторитет его правительства.

Распространению недовольства с гражданского населения на армию служил еще один факт, упомянутый в «Воспоминаниях» Жукова: мобилизация резервистов старших возрастов. Этих людей взяли в армию в 1916 году потому, что царский режим в том, что касается призыва, был гораздо менее жестким, чем будет режим сталинский. Некоторые социальные категории (рабочие, ветеринары, врачи) и представители многих национальностей полностью или почти полностью освобождены от воинской службы. Не призывали в армию евреев, прибалтов, финнов, сектантов, потому что им не доверяли; мусульман из Средней Азии, потому что те подняли открытое восстание; кавказцев и представителей народов Сибири – из опасения, что они последуют их примеру. В результате на 1 октября 1917 года в России было призвано в армию 15 миллионов мужчин при населении в 180 миллионов, меньше, чем в Германии (с ее населением 65 миллионов), и чуть больше, чем во Франции (39 миллионов).

Резервисты старших возрастов – от 38 до 43 лет – с осени 1916 года начали скапливаться в казармах запасных батальонов. Там, без надежных и опытных командиров, почти в полной праздности, они ждали оружие, униформу и снаряжение, которые поступали с задержками. Именно эти люди стали движущей силой дюжины серьезных бунтов, потрясших армию в конце 1916 года: в Кременчуге, под Ригой и Митавой и даже на Юго-Западном фронте, в 223-м Одоевском полку, неподалеку от позиций, удерживавшихся полком Жукова. Проведенные командованием расследования не выявили в действиях бунтовщиков никаких политических мотивов. Причиной недовольства стали социально-экономические вопросы, в первую очередь снижение норм продуктового довольствия. Так, выдача хлеба сократилась с первоначальных трех фунтов в день до двух, а затем и до одного, да и тот чаще всего заменялся сухарями. Еще одним фактором, благоприятствовавшим бунтам, стали глубокие изменения в командном составе. Чтобы восполнить нехватку офицеров, режим начал в наспех организованных тридцати трех школах готовить по ускоренной программе прапорщиков, набиравшихся из простонародья. Чтобы облегчить им поступление, требуемый образовательный уровень был снижен до четырех классов приходской школы. Эта масса молодых людей не разделяла кастовые предрассудки прежних кадровых офицеров, придерживалась либеральных и социалистических взглядов и не пользовалась никаким авторитетом у рядовых. На всех этих людей, старых и молодых, производили удручающее впечатление письма, приходившие из дома. В них говорилось только об астрономических ценах, очередях перед магазинами, нехватке угля, бесстыдстве спекулянтов, сынках буржуев и дворян, устроившихся в многочисленных тыловых учреждениях. Результаты этого мы видим в рапортах военной цензуры, в донесениях офицеров спецслужб, а также в еженедельных отчетах, присылаемых из армий: солдаты хотят мира любой ценой. На Рождество 1916 года на передовых позициях и ближайшем тылу распростра-

няются слухи о скором заключении мира, очевидно спровоцированные разбросанными с германских самолетов миллионами листовок, в которых сообщалось о мирных предложениях кайзера Вильгельма, сделанных 12 декабря.

Редактирование «Воспоминаний» Жукова, как мы уже говорили, проходило под надзором ЦК партии, проверявшим каждую фразу на ортодоксальность. Но в описании роли большевиков в Февральской революции 1917 года брежневские сторожевые псы перестарались. Так, мы можем прочесть в мемуарах маршала: «…тогда я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто больше. Это в меру своих возможностей я и внушал своим солдатам»[55]. Выходит, младший унтер-офицер Жуков не только слышал о существовании большевиков до конца 1916 года, но и был одним из их агитаторов. Назвать это невероятным значило бы употребить чересчур мягкий эвфемизм. На рубеже 1916–1917 годов роль большевиков в борьбе против царя и против войны была ничтожно мала. В это время руководство партии скрывалось в Швейцарии. Влияние ее так же невелико, как и количество членов – всего 10 000 на начало 1917 года, из которых в Петрограде лишь 3000. Ленин мрачно оценивал свои шансы дожить до торжества революции.

На самом деле не большевики, а вся мыслящая Россия, включая монархистов-консерваторов и даже членов царствующей династии, вела борьбу против царя и его окружения. 3 декабря 1916 года дядя царя, великий князь Павел Александрович, обратился к нему с просьбой даровать стране конституцию или, по крайней мере, правительство, члены которого не были бы выбраны Распутиным и пользовались доверием Думы. Другой дядя, великий князь Александр Михайлович (двоюродный дядя и зять, муж старшей из сестер Николая II – великой княжны Ксении Александровны. – *Пер.),* предупредил своего царственного родственника, что, если не начать реформы, революция может разразиться еще до весны 1917 года. Но царь ничего не желал слушать. Убийство Распутина, происшедшее 17 декабря 1916 года, не сделало его более гибким. Приехав к нему с новогодними поздравлениями, британский посол Джордж Бьюкенен, со всей возможной дипломатичностью, предположил, что назначение премьер-министра, пользующегося доверием Думы и народа, могло бы разрядить ситуацию. «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?»[56] – будто бы спросил Николай, подняв брови.

Что же из всего этого брожения улавливал младший унтер-офицер Жуков? Ворчание товарищей, их рассказы о забастовках, жалобы на дороговизну жизни, непристойные анекдоты о Распутине и императрице. Возможно, где-нибудь на железнодорожной станции, в санитарном поезде или в харчевнях он случайно встречал просвещенных пропагандистов, обличавших царя. В этих местах много было таких, финансируемых и подстрекаемых Думой и различными общественными организациями. Но это были в основном социалисты-революционеры (эсеры), меньшевики и либералы, и очень редко большевики. Для нас нет никаких сомнений в том, что, если Жуков и чувствовал напряжение в русском обществе в начале 1917 года, он еще не имел никаких политических маяков, позволявших ему ориентироваться в надвигающихся событиях. Пропагандистский миф приписал ему раннее знакомство с большевистской идеологией и ее одобрение, потому что самый славный советский маршал также должен был быть коммунистом с дореволюционным стажем.

---

[55] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 39.

[56] *Buchanan G.* My Mission to Russia. Boston. Amo Press, 1923. T. 2. P. 45.

Революция 1917 года: унтер-офицер Жуков не участвует

Двум революциям 1917 года маршал Жуков посвящает в своих «Воспоминаниях» только две страницы из более чем семисот. В его рассказе, расплывчатом и лишенном деталей, мы находим всего три даты: 27 февраля – инцидент 27 февраля в Балаклее; «начало марта» – когда состоялось собрание солдатского совета его полка; 30 ноября 1917 года – день его приезда в Москву по пути в Стрелковку. Этому лаконизму можно найти два объяснения. Либо маршалу нечего сказать, потому что в эти девять месяцев он ничего особенного не делал. Либо ему было что скрывать. На наш взгляд, две эти версии можно объединить: Жуков мало рассказывает о революции, чтобы не задерживаться на своей пассивности в тот ключевой период, когда другие будущие советские полководцы – Ворошилов, Фрунзе, Тимошенко, Рокоссовский, Захаров, Мерецков – активно действовали как коммунисты или сочувствующие партии. Поэтому он и вставляет в мемуары скомканный рассказ, в котором главным становится подсказанное цензурой или самоцензурой утверждение о том, что он якобы с ранних пор стоял на большевистской платформе.

В наши задачи не входит подробный рассказ о событиях 8 – 13 марта в столице империи, Петрограде, попавшем в руки гарнизона, присоединившегося к бастующим рабочим. 27 февраля произошло решающее событие: бунт солдат лейб-гвардии Волынского полка, за которым последовал и лейб-гвардии Преображенский – полк Петра Великого и Николая II. Этот солдатский бунт породил двухголовую власть: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство, образованное Думой. Обе головы, как и головы орла на российском гербе, смотрели в разные стороны: первый на улицу, второй – на союзников. По некоторым вопросам они сотрудничали, но по большинству соперничали друг с другом.

В тот же день, 27 февраля 1917 года, в 1300 км от Петрограда, эскадрон, в котором служил унтер-офицер Жуков, был поднят по тревоге. Под началом своего командира, ротмистра барона фон дер Гольца, балтийского немца, с гордостью носившего шрам от дуэли и Георгиевский крест, кавалеристы колонной по трое двинулись по дороге на Балаклею, где находился штаб полка.

«Откуда-то из-за угла, – пишет Жуков, – показались демонстранты с красными знаменами. Наш командир эскадрона, пришпорив коня, карьером поскакал к штабу полка. […] Из штаба в это время вышла группа военных и рабочих.

Высокий солдат громким голосом обратился к собравшимся. Он сказал, что рабочий класс, солдаты и крестьяне России не признают больше царя Николая II, не признают капиталистов и помещиков. Русский народ не желает продолжения кровавой империалистической войны, ему нужны мир, земля и воля.

Солдат закончил свою короткую речь лозунгами: „Долой царизм! Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов! Ура!“

Солдатам никто не подавал команды. Они нутром своим поняли, что им надо делать. Со всех сторон неслись крики „ура“. Солдаты смешались с демонстрантами…

Через некоторое время стало известно, что наш ротмистр и ряд других офицеров арестованы солдатским комитетом, который вышел из подполья и начал свою легальную деятельность с ареста тех, кто мог помешать революционным делам»[57].

Якобы Жуков в Балаклее присутствовал при революции в миниатюре, с рабочей демонстрацией, с переходом армии на сторону народа, с выборами солдатского комитета и чисткой офицерского состава (уже упомянутый фон дер Гольц был быстро отправлен в отставку, в чем, вероятно, сыграла свою роль и его немецкая фамилия), и все это при стопроцентном следо-

[57] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 40—41.

вании большевистской программе. Этот рассказ малоправдоподобен. Во-первых, из-за даты. Каким чудом 27 февраля революция, еще не победившая в Петрограде, могла бы восторжествовать в Балаклее – городишке с 20 000 жителей, в котором из промышленности имелись лишь небольшие пищевые предприятия и ремонтные мастерские железной дороги Харьков – Донбасс? Нигде в источниках мы не находим никаких следов деятельности в Балаклее большевистской организации в конце февраля 1917 года. И в этом нет ничего удивительного: городок был слишком далек от веяний и влияний, распространенных в революционных городах Северо-Запада. Доказательством служит то, что в декабре он легко перейдет на сторону украинских националистов.

Новость о революции в Петрограде могла дойти до Балаклеи не ранее 2 или 3 марта. Большевистский характер лозунгов, цитируемых Жуковым, крайне маловероятен и в этот момент, и даже позднее. Напомним, что Февральская революция застигла маленькую ленинскую партию врасплох. Вождь ее находился в Швейцарии, а его соратники, лишенные радикализма своего лидера, приняли идею необходимости защиты завоеваний Февральской буржуазной революции от германского империализма. Каменев и Сталин, приехавшие в Петроград 12 марта, даже будут призывать со страниц «Правды», которую они редактировали, к сохранению дисциплины в армии и на производстве. В конце марта, на общероссийской конференции большевиков проведут решение о поддержке Временного правительства и его политики ведения войны до победного конца. Только после возвращения в Россию Ленина 16 апреля большевики примут радикальную программу: захват власти, прекращение войны, раздача земли крестьянам. Но и после этого многие соратники будут смотреть на Ульянова как на опасного сумасшедшего. Также в апреле, с третьей недели месяца, начнут выходить две большевистские газеты, адресованные солдатам: «Солдатская правда» и «Окопная правда». Эти газеты, издаваемые на германские деньги, попадут в роты и эскадроны лишь в мае.

В своих мемуарах Жуков сжал, до крайности уплотнил события, происходившие на протяжении многих недель, даже месяцев. Это придает его рассказу расплывчатость и искусственность, свидетельствующие о его смущении. Важнейшим событием, изменившим военную судьбу молодого унтер-офицера, несомненно, стали выборы солдатского комитета его эскадрона. В «Воспоминаниях» дается весьма неточная дата их проведения: «начало марта». Солдатские комитеты начали создаваться в армии только после издания пресловутого приказа № 1 Петроградского Совета, то есть после 1 марта 1917 года. Несколько строк этого приказа полностью разрушили основы воинской дисциплины царской армии. Статья 1-я предусматривала немедленное избрание солдатских комитетов, начиная с ротного (в пехоте), эскадронного (в кавалерии) и корабельного уровней. Оружие отдавалось под охрану солдатских комитетов и ни в коем случае не выдавалось офицерам (статья 5). Все унизительные для достоинства солдат меры отменялись. К офицерам следовало обращаться просто «господин», запрещалось «тыкать» рядовым. Отдание чести становилось обязательным только во время службы (статьи 6 и 7).

Предназначенный только для столичного гарнизона, приказ № 1 тем не менее по телеграфу, радио и средствами печати передается на фронты. По мнению специалиста по данной теме, Алана Уилдмана, вся русская армия знала о нем самое позднее 7 марта. Первые комитеты стали создаваться в балтийских портах и ближайших к Петрограду городах 2–3 марта, в день отречения Николая II. На Юго-Западном фронте, где служил Жуков, это движение началось 5-го, когда стало известно об отказе великого князя Михаила Александровича принять корону и об установлении de facto республики под совместным руководством Временного правительства и Петроградского Совета. Одновременно с избраниями комитетов начались расправы с офицерами, которых считали враждебными этому процессу. 7 марта новый военный министр Гучков направил военному командованию свои приказы № 114 и 115, легализовывавшие многие пункты приказа № 1 Петроградского Совета, признававшие за солдатами право на свободу

политической деятельности и узаконивавшие двоевластие в частях и подразделениях. Следует отметить, что одним из немногих генералов, отказавшихся в тот момент принять подобные перемены и выразивших готовность с оружием в руках сражаться за восстановление свергнутого строя, был генерал граф Келлер, командир 3-го кавалерийского корпуса, где служил Жуков, а также генерал Марков, начальник 10-й кавалерийской дивизии, в которую входил 10-й драгунский полк. Марков станет одним из ближайших сподвижников Корнилова и одним из создателей белой Добровольческой армии.

По всей вероятности, в полку Жукова, как и почти во всех частях Юго-Западного фронта, комитет был избран после распространения в войсках приказа Гучкова. «Во главе полкового комитета, – писал Жуков, – был большевик Яковлев (к сожалению, не помню его имени и отчества)». На следующий день из этого комитета прибыл офицер, предложивший избрать эскадронный солдатский комитет и, заодно, выбрать делегатов в полковой совет. Жуков был единогласно избран председателем солдатского комитета эскадрона и, вместе с одним поручиком и солдатом, стал делегатом в полковой комитет. В этом нет ничего удивительного. Георгий Константинович был унтер-офицером, уважаемым за храбрость и профессионализм. Он умел читать и писать, два Георгиевских креста должны были обеспечить ему хотя бы неофициальную поддержку офицеров. Он очень подходил на роль посредника между рядовыми и офицерами и наблюдателя за соблюдением положений приказа № 1. На пленарном заседании полкового комитета Жуков совершил свой первый шаг в политике: вместе с товарищами проголосовал за большевистскую платформу, предложенную солдатом Яковлевым. Что его побудило: идейная убежденность или же Яковлев оказался умелым оратором? Этот тип большевика, талантливого оратора и вожака масс, редко встречался на данном участке фронта. Единственный его представитель, отмеченный историками, – прапорщик Крыленко, будущий первый главнокомандующий Красной армией, избранный в это же самое время в комитет 11-й армии. Был ли таким же Яковлев, нам неизвестно. Жуков сообщает о нем только то, что в мае тот покинул полк, после чего власть в комитете перешла в руки меньшевиков и эсеров.

Единственная программа: вернуться домой!

Неизвестно, чем занимался унтер-офицер Жуков между маем и октябрем. Он ни словом не упоминает о наступлении, начатом Юго-Западным фронтом 1 июля. Организованное военным министром и одним из самых влиятельных членов Временного правительства, Керенским, оно через неделю завершилось полным крахом. Но военное фиаско также было и политическим фиаско. Партии (меньшевики, эсеры, либералы) и институты (Временное правительство), настаивающие на продолжении войны, стали в глазах народных и солдатских масс врагами. Большевики же, выступавшие против этой авантюры, напротив, усилились благодаря своему лозунгу: «Мира и земли!» В июле начинается разложение армии. Счет дезертиров пошел на десятки тысяч, а в августе уже на сотни тысяч. Ни о чем из этого Жуков не упоминает. Однако он видел, как его сослуживцы, крестьяне по происхождению, толпами бросали фронт, грабили склады, захватывали поезда, устраивали еврейские погромы, грабили проезжающих и прохожих. О чем он думал, как воспринимал тот хаос, в который погружалась страна в сентябре, после того как германские войска, возобновив наступление, овладели Ригой (21 августа) и Восточной Галицией? Мы этого не знаем. И этот большой пробел в его «Воспоминаниях» позволяет предположить, что летом 1917 года унтер-офицер Жуков, как и миллионы других русских солдат, по собственной инициативе решил отдохнуть от войны и революции. Похоже, он, как и его товарищи, думал только об одном: поскорее вернуться домой. Но мы не сомневаемся, что разложение армии и вызванное им последующее падение существующего режима произвели сильное впечатление на молодого унтер-офицера, и он не раз вспоминал эти дни летом и осенью 1941 года.

7 ноября 1917 года большевики всего за двадцать один час произвели переворот, отдавший в их руки власть в Петрограде. Жуков все еще находился под Балаклеей, когда узнал об этом событии. В своей автобиографии в 1938 году он заявил: «Участие в октябрьском перевороте выражал в том, что эскадрон под руководством комитета встал на платформу большевиков и отказался „украинизироваться“». Он добавлял, что офицеры-украинцы, симпатизировавшие Симону Петлюре и его гайдамакам, искали его, чтобы расправиться, поэтому ему пришлось несколько недель прятаться в Балаклее и Лагери. Представляется неправдоподобным, чтобы Жуков стал таким активным большевиком, что даже навлек на себя ненависть украинских националистов. По датам вроде бы все совпадает. Петлюра действительно в мае 1917 года стал главой Украинского генерального войскового комитета, первые его вооруженные формирования появились в окрестностях Харькова в июле, после провала наступления Керенского и провозглашения киевской Центральной радой независимости Украины. Националисты стали действовать более агрессивно после большевистской Октябрьской революции и действительно захватывали оружейные склады бывшей императорской армии. Тогда гайдамаки, захватившие власть на Украине, разоружали и арестовывали кавалеристов из эскадрона Жукова.

Что же такое совершил младший унтер-офицер Жуков, чтобы его посчитали опасным большевиком, которого следовало нейтрализовать? Активно противодействовал в мае попыткам меньшевиков и эсеров установить контроль над его комитетом? Он об этом не упоминает. Срывал в июне подготовку к наступлению Керенского, выполняя тем самым установку Ленина на поражение собственной страны? И об этом ни слова. Разъяснял товарищам контрреволюционность выступления нового Верховного главнокомандующего Корнилова в сентябре? Полное молчание. Жуков ничего об этом не рассказывает, потому что ничего такого не делал. Нет никаких подтверждений его большевистской деятельности, о которой он писал в многочисленных автобиографиях на протяжении всей своей военной службы. Более вероятным представляется то, что он сидел тихо, наблюдая за развитием событий, о которых имел лишь частичное и весьма смутное представление. В ноябре Жуков вместе с его товарищами будет демобилизован эскадронным комитетом, членом которого он, как кажется, все еще являлся.

В середине 1960-х годов отставной маршал дал интервью писателю и бывшему военному корреспонденту газеты «Красная звезда» Константину Симонову. Он довольно свободно – по советским меркам – рассказывал Симонову о политической неустойчивости и даже смятении унтер-офицера Жукова в 1917 году. «Я иногда задумываюсь над тем, почему именно так, а не иначе сложился мой жизненный путь на войне и вообще в жизни. В сущности, я мог бы оказаться в царское время в школе прапорщиков. Я окончил в Брюсовском, бывшем Газетном, переулке четырехклассное училище, которое по тем временам давало достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков. Когда я, девятнадцатилетним парнем, пошел на войну солдатом, я с таким же успехом мог пойти и в школу прапорщиков. Но мне этого не захотелось. Я не написал о своем образовании, сообщил только, что кончил два класса церковноприходской школы, и меня взяли в солдаты. Так, как я и хотел. […] Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный в то время в солдатскую среду не только большевиками, но и меньшевиками, и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? […] Тогда, в самом начале, если

бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я…»[58]

Сразу проясним вопрос о том, мог ли Жуков поступить в школу прапорщиков: у него для этого не хватало образования, и он не врал, занижая его, чтобы стать простым солдатом. В остальном же заявление просто святотатственное! Согласно постулатам советской марксистской религии, выбор человека напрямую зависел от его социального положения. И вдруг Маршал Советского Союза заявляет, что в 1917 году мог выбрать другую судьбу; стечения обстоятельств, случайности, удачи и неудачи – все это существует и играет важную роль… Но самое главное в этом отрывке интервью то, что он еще раз подтверждает уже высказанную нами в данной главе мысль: в 1917 году Жуков не имел четких политических убеждений, не занимал четкой позиции, а примкнул к потоку, уносившему его подальше от войны. Переворот в Петрограде не произвел на него впечатления. Он не присоединился к большевистской революции, не проявлял в те дни «классового сознания», в отличие от многих будущих сталинских маршалов. Как и миллионы людей в серых шинелях, он просто вернулся в родную деревню.

[58] *Смирнов С.* Указ. соч. С. 125.

Глава 3
«Пролетарий, на коня!». 1918-1922

Последнюю декаду ноября 1917 года младший унтер-офицер Жуков прятался, как он сам написал, между Лагери и Балаклеей. То есть между казармами, в которых располагался его эскадрон, и городом, где размещались остатки штаба 10-го драгунского полка. Он носил форму, сохранял карабин и саблю. Он оставался солдатом, несмотря на революцию. И в первую очередь его занимала судьба армии, от которой зависело его выживание.

Если проследить день за днем высказывания Ленина в этот переломный период, то мы обнаружим, что его внимание было сфокусировано на трех целях: заключении мира с Германией, построении большевистского государства и организации его защиты, ибо, по его высказыванию, цитируемому, в том числе, Жуковым, «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»[59]. Для достижения всех этих трех целей требовалось установить контроль над старой русской армией. Не для того, чтобы ее использовать, а чтобы добить ее, чтобы ее ресурсами не могли воспользоваться противники большевиков, которые, по мнению вождей партии, непременно должны были захотеть использовать их для своих контрреволюционных целей. Решения, втайне принятые в петроградском Смольном институте, где находилась резиденция Ленина, напрямую затронут унтер-офицера Жукова и еще три миллиона русских, до сих пор носивших солдатские шинели.

Отправить старую царскую армию в мусорную корзину Истории было поручено простому прапорщику Николаю Крыленко, «дегенерату-эпилептику», по оценке Брюса Локкарта, британского вицеконсула в Москве и секретного агента на службе его величества. После издания 7 ноября 1917 года Декрета о мире Ленин приказал последнему Верховному главнокомандующему, генералу Духонину, прекратить боевые действия и заключить перемирия с германским и австро-венгерским командованием. Духонин в тот момент находился в Ставке в Могилеве (современная Белоруссия). Верный линии Временного правительства, назначившего его на занимаемый им высокий пост, он отказался начать переговоры с противником. Окружавшие его эсеры и представители французской и британской военных миссий, чувствуя приближение грозы, бежали. Духонин остался один. 22 ноября он по телефону сложил с себя полномочия Крыленко, как члена Комитета по военным и морским делам – созданного большевиками наследника Военного министерства. Ответное сообщение по радио известило его о том, что прапорщик выехал специальным поездом, чтобы приступить к началу мирных переговоров. На следующий день, подписав несколько документов, Духонин вышел из вагона Крыленко и получил от балтийского матроса удар штыком. Толпа солдат, сопровождавших Крыленко, добила умирающего генерала ударами винтовочных прикладов и сапог. В чем была его вина? В том, что двумя днями ранее позволил бежать группе генералов – участников неудачной попытки военного переворота генерала Корнилова – своего предшественника на посту главнокомандующего.

21 ноября 1917 года Корнилов бежал из Быховской тюрьмы, находившейся совсем рядом с Могилевом. Его заключили туда за предпринятую им в сентябре попытку путча с целью свержения Временного правительства. Он тут же направился на юг, в Новочеркасск – столицу Донского казачьего войска, где рассчитывал найти значительное число противников большевиков и где мог получать по Черному морю помощь от союзного англо-французского флота. Его сопровождали несколько бывших царских генералов, в том числе Антон Деникин, Алексеев и Марков; последний был командиром кавалерийской дивизии, в которой служил Жуков.

---

[59] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 69.

Так сложилось ядро Добровольческой армии, которую вскоре стали называть белой. Бегство Корнилова и убийство Духонина завершили распад бывшей царской армии и положили начало Гражданской войне. Они усилили у большевиков почти генетический страх, порожденный их собственной практикой путчистов: страх перед бонапартизмом, перед контрреволюционным военным переворотом. Это подозрение в бонапартизме дважды, в 1946 и в 1957 году, сломает карьеру Жукова.

Унтер-офицер Жуков наверняка не знал об убийстве Духонина и бегстве содержавшихся в Быхове генералов. Нам известно, что он покинул Украину в конце ноября 1917 года, как раз в тот момент, когда киевская Рада провозгласила независимость страны; в ответ на это в Харькове Антоновым-Овсеенко была провозглашена Украинская советская республика. Из своего укрытия в Балаклее Жуков мог бы отправиться в Харьков. Ему надо было преодолеть всего 20 км, и он не мог не знать о сосредоточении в этом районе значительных большевистских сил под командованием подполковника Муравьева. Нам даже известно, что некий активист Н.А. Руднев[60]приезжал в Балаклею, чтобы агитировать солдат 30-го Харьковского стрелкового полка, уже объединившегося с Красной гвардией. Дальше к востоку, в Луганске, Климент Ворошилов собрал боеспособные отряды и выступил в поход на Харьков, ставший центром объединения сил красных. По всей Левобережной Украине начались стычки. Города, станции, железные дороги часто переходили из рук в руки. Жуков находился в самом эпицентре разгорающейся гражданской войны между красными и украинскими националистами. Полез ли он в драку, как, например, его будущий боевой товарищ Константин Рокоссовский, ставший командиром Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда, в Архангельской губернии? Или как Кирилл Мерецков, еще один будущий соратник Жукова, бывший на год моложе его, который весной 1917 года стал членом партии и в октябре вступил в Красную гвардию в своем городе? Или как Чуйков, Конев, Голиков и Рыбалко, которые в конце 1917 года все были красногвардейцами или политическими комиссарами? Нет, унтер-офицер Жуков предпочел вернуться домой.

30 ноября он прибыл в Москву – город, захваченный большевиками менее двух недель назад. Там еще ощущалось напряжение. Там и тут возникали спорадические перестрелки, введено военное положение. Повсюду были видны следы продолжавшихся целую неделю ожесточенных боев, в которых погибло 1000 человек. Кремль, оборонявшийся юнкерами, верными Временному правительству, брали при помощи артиллерии и броневиков. Среди большевиков, находившихся тогда в Москве, был Михаил Васильевич Фрунзе, будущий организатор Красной армии. Он участвовал в боях с юнкерами во главе отряда из 500 человек. Это был его первый боевой опыт. Но что могла сделать горстка оборванных красноармейцев против мощных армий Германии и стран Антанты, которые все еще продолжали угрожать новой власти? Никто в тот момент не дал бы дорого за голову Ленина и его маленькой группки профессиональных революционеров.

Какие же возможности открывались перед Жуковым в тот момент, когда он приехал в Москву с одним лишь солдатским вещмешком за плечами? Отправиться к дядюшке Пилихину? Старик, так благожелательно к нему настроенный, в 1916 году продал свое дело и уехал в Черную Грязь, близ Стрелковки, в которой жила его сестра Устинья. Найти работу скорняка? Хозяйственная деятельность почти прекратилась из-за забастовок, всеобщей анархии, нехватки топлива и паралича железнодорожного сообщения. Имущие классы гибнут, а вместе с ними и ориентированное на них производство предметов роскоши; так что Георгию Константиновичу с его специальностью трудно было бы устроиться на работу. Французская журналистка Луиза Вейсс так описывает увиденное ею в те дни в Москве: «На ступеньках Рязанского вокзала… целые семьи лежат вокруг костров, горящих на мостовой улиц. Муж-

[60] *Муратов Х.И.* Революционные движения в русской армии в 1917 г. М.: Воениздат, 1958. С. 172–189.

чины во фрачных штанах и кожаных куртках, женщины в шубах и лаптях, другие с голыми ногами и в сапогах. Молодые люди, украшенные красными значками, предлагали лисьи и овечьи шкурки, отрезы материй; маленькие девочки старались продать разбитые зеркала, вышитые сумочки…»[61]

Остаться в армии? Но армии больше нет. Всеобщая демобилизация, объявленная 10 ноября, была подтверждена Всероссийским съездом, специально собранным для этого в Петрограде. К 29 января 1918 года она завершится. Идет повальное бегство из воинских частей солдат-крестьян. Жуков сам мог в этом убедиться, поскольку от имени комитета выдавал демобилизационные справки драгунам своего эскадрона. Из организованных вооруженных сил к концу 1917 года остаются только несколько латышских стрелковых полков, образовавших преторианскую гвардию Ленина, да лишенные всякой дисциплины банды рабочих и бывших солдат, помпезно именуемые Красной гвардией.

Очевидно, свою роль в выборе Жуковым пути сыграл и физиологический аргумент: голод. Писатель Борис Зайцев, уроженец Калужской губернии, как и Жуков, вспоминал, что как раз после большевистского переворота был вынужден вернуться к себе в деревню. «В деревне было материально легче, – объясняет он. – А в Москве был холод, полуголод, жизнь пещерная»[62]. Московским пролетариям жилось тяжело. Наступала холодная зима с ледяными ветрами; ежедневно приходилось от восьми до десяти часов простаивать на холоде, чтобы получить 200 граммов черного хлеба. Марина Цветаева, дочь основателя Пушкинского музея, рассказывает в своем дневнике о жутком выборе, перед которым она оказалась в 1919 году, но который, однако, был обычным для бедных семей уже в зиму 1917/18 года: «Кому дать суп из столовой: Але или Ирине? [две ее дочери] Ирина меньше и слабее, но Алю я больше люблю. Кроме того, Ирина уж всё равно плоха, а Аля еще держится, – жалко»[63].

Выбор, имевшийся у молодого унтер-офицера, сводился к альтернативе: вернуться домой и жить за счет семейных запасов или же участвовать в революции, чтобы получать паек от государства. Похоже, он не колебался. Он оставил Москву, не пожелав ввязываться в драку, и отправился к родителям в Стрелковку, где прожил январь и февраль 1918 года. Он издалека следил за рождением 28 января 1918 года Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), затем за подписанием 3 марта Брестского мирного договора с центральными державами. В середине мая в Поволжье вспыхнула гражданская война. Жуков «решил вступить в ряды Красной гвардии», как напишет он в «Воспоминаниях». Логичный выбор, простой выбор, подумаем мы: ведь красные удерживали Москву, Калугу и… Стрелковку. «Но в начале февраля, – продолжает он, – тяжело заболел сыпным тифом, а в апреле – возвратным тифом. Свое желание сражаться в рядах Красной армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии»[64].

Относительно позднее вступление в ряды Красной армии

У нас нет никаких оснований усомниться в том, что болезнь, целых семь месяцев удерживавшая Жукова вдали от Красной армии, была настоящей. Осенью 1917 года Россию действительно поразила эпидемия тифа, бактерии которого, по всей видимости, стали последним сувениром, привезенным юным унтер-офицером из армии. Ни мыла, ни дезинфицирующих средств не было, а ослабленный недоеданием организм слабо сопротивлялся болезни. Как писала в декабре 1917 года «Правда», в камерах просушки, где проходило санобработку сол-

[61] Цит. по: Путь комет. Т. 1. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, Крига, 2007. С. 409.

[62] Интервью Зайцева, данное в 1965 г. историку Алексею Малышеву. См.: http://krotov.info/history/19/1890_10_2/1881_zayzev_b.htm (17 сентября 2011).

[63] *Цветаева М.* Записные книжки. М.: Захаров, 2002.

[64] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 42.

датское обмундирование, дохлые тифозные вши образовывали на полу слой толщиной 5 см и напоминали серый песок. Мария, одна из дочерей Жукова, расскажет, что ее отца лечил некий Николай, главный врач маленькой больницы Угодского Завода и сын священника Василия Всесвятского, который венчал его родителей и крестил в 1896 году его самого[65]. Возможно, из-за своего сомнительного социального происхождения этот человек не появляется на страницах мемуаров маршала. Видимо, выкарабкаться больному помогло и его крепкое сложение, но все-таки болезнь не осталась без последствий, вызвав «продолжительную слабость», как он говорил. Вынужденное пребывание в Стрелковке имело и свои преимущества: Жукову не пришлось делать выбор между двумя сторонами Гражданской войны в тот момент, когда исход ее оставался неясным, причем победа большевиков сначала казалась наименее вероятным вариантом. Опасность свержения Ленина и его правительства отодвинулась только после взятия красными 10 сентября 1918 года Казани, отбитой у совместно действовавших эсеров и чехословацких легионеров[66]. Троцкий объявил: «Это перелом». На следующий день «Правда» написала в передовице: «Взятие Казани – первая действительно крупная победа Красной Армии!»[67] С данного времени решение соединить свою судьбу с этой армией, начинающей побеждать, уже не являлось самоубийственным.

Мы могли бы поверить в искренность этого решения Жукова, если бы в автобиографии, написанной в 1938 году, он не написал: «Я был мобилизован в РККА 1 октября 1918 года». Так как же: вступил добровольцем или был мобилизован? Мы склоняемся ко второй версии, на том же, уже приводившемся ранее основании. В 1938 году Жуков не мог врать командованию относительно даты и условий поступления на службу в Красную армию. В стране свирепствовала большая чистка, каждый день по всей стране офицеры исчезали десятками. Арестовывали и расстреливали по ничтожному подозрению, за малейшую ложь. Значит, бывший драгунский унтер-офицер был все-таки мобилизован в Красную армию, и произошло это 1 октября 1918 года. Несколькими днями ранее Троцкий, народный комиссар по военным делам, решил произвести массовый набор бывших унтер-офицеров 1893–1897 годов рождения (Жуков родился в 1896)[68]. Этот декрет вышел позже тех, которые призывали на службу бывших офицеров, сначала добровольно (апрель), а затем, с 28 июля, принудительно. К концу 1918 года в рядах РККА уже служили 128 168 унтер-офицеров и 22 295 офицеров царской армии[69].

Надо сказать, что в тот период большевистская власть не располагала никакими административными структурами, позволявшими ей ставить на учет и индивидуально призывать бывших унтер-офицеров. Должно быть, Жуков прочитал приказ Троцкого на афише одновременно с прокламацией, объявлявшей Республику Советов «единым военным лагерем». Он отправился в ближайший военный комиссариат, в Калугу[70] или в Москву, совершенно добровольно, потому что никто не мог его к этому принудить: репрессивные меры по отношению к уклонистам и дезертирам начнут применяться через несколько месяцев. Таким образом, вступление Георгия Константиновича в Красную армию, каким бы парадоксальным это ни показалось, было «добровольной мобилизацией», почему, возможно, и появились две различные версии, высказанные им. Его готовность явиться на призывной пункт по мобилизации резко контрастировала с практически всеобщим нежеланием крестьян идти на службу в Красную

---

[65] *Жукова М.Г.* Маршал Жуков – мой отец. С. 83.

[66] Из 1-го издания «Воспоминаний и размышлений» были вычеркнуты любые упоминания о Чехословацком легионе, чтобы не обижать братскую социалистическую страну… которую Советская армия оккупировала в 1968 г., за год до выхода книги Жукова.

[67] Цит. по: *Минц И.И.* и др. Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С. 98.

[68] *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 257.

[69] *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920. М.: Наука, 1988. С. 111.

[70] Существование в Калуге в это время военного комиссариата подтверждено мемуарами Дмитрия Оскина – Записки военкома. М.: Федерация, 1931. С. 7–9.

армию, признаки которого он, возможно, замечал в Стрелковке, поскольку именно в Малоярославце, неподалеку от его родной деревни, 7 ноября 1918 года разразилось мощное восстание против восстановления принудительного призыва[71]. На территории Калужской губернии даже была провозглашена суверенная советская республика, расстрелянная артиллерией красных[72]. Жуков не дезертирует в ноябре или декабре 1918 года, в отличие от 40 % новобранцев (в некоторых районах Московского военного округа число дезертиров достигало 90 %)[73].

Почему Жуков откликнулся на призыв Троцкого? Версию о желании помочь выжить родителям можно отбросить сразу, потому что только 24 декабря 1918 года Совнарком принял решение об оказании материальной помощи и выдаче пособий семьям красноармейцев. Его руки были бы в Стрелковке полезнее любых пособий. Какой еще выбор у него был, кроме как пойти в армию или остаться в Стрелковке, которая, как мы знаем, уже летом 1918 года была поражена неурожаем?[74] Какое будущее ждало молодого человека с горячей кровью в деревне с 300 жителями, «между икон и тараканов» (Горький)? Тот, кто вырвался из деревни, в нее надолго не возвращаются. Она убивает всякое желание пробиться в жизни, всякое честолюбие, как писал Горький, уловивший парализующий ужас, который внушает русская деревня: «Вокруг – бескрайняя равнина, а в центре ее – ничтожный, маленький человечек, брошенный на эту скучную землю для каторжного труда. […] Спора нет – прекрасно летом „живое злато пышных нив“, но осенью пред пахарем снова ободранная голая земля, и снова она требует каторжного труда. Потом наступает суровая, шестимесячная зима, земля одета ослепительно-белым саваном, сердито и грозно воют вьюги, и человек задыхается от безделья и тоски в тесной, грязной избе. Из всего, что он делает, на земле остается только солома и крытая соломой изба – ее три раза в жизни каждого поколения истребляют пожары»[75]. Жуков, бывший щеголеватый московский рабочий, элегантный драгунский унтер-офицер, уже повидавший мир, не мог желать для себя такой жизни. Для двадцатидвухлетнего крестьянского сына революция – это приключение. Он решил, что его будущее связано с этой революцией, обещавшей наконец вытащить Россию из средневековья. Как бы то ни было, 30 сентября 1918 года Георгий Константинович уложил свой вещмешок, начистил сапоги и снова попрощался с матерью, в день своего ухода на фронт. Он возвращался в армию… на сорок лет.

Армия нового типа

И снова Жукова зачислили в кавалерию. И снова он принес присягу. В тексте, разработанном Свердловым, не упоминалось ни о боге, ни о царе, вместо них появились «революция», «пролетариат» и «советская родина». Ее пункт № 1 ясно говорит об идеологии и практике Красной армии голодранцев:

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью рабочего и крестьянского правительства. […] Я обязуюсь, по первому зову рабочего и крестьянского правительства, выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны

[71] *Осипова Т.В.* Указ. соч. С. 273.

[72] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 9. Л. 12–12 об.; Ф. 16011. Оп. 2. Д. 1. Л. 24 об.

[73] *Landis E.C.* Bandits and Partisans, The Antonov Movement in the Russian Civil War. University of Pittsburgh Press, 2008. P. 21.

[74] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303. Л. 26. Опубликовано в: Известиях ВЦИК. 1918. 13 августа.

[75] *Горький М.* Указ. соч. С. 112.

всех ее врагов и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов – не щадить ни своих сил, ни самой жизни…

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение, и да покарает меня суровая рука революционного закона»[76].

После принесения присяги, одетый в старую шинель и новый островерхий суконный шлем-буденовку, Жуков слушал доносящийся издалека шум Гражданской войны.

Хотя в цели настоящей работы не входит подробный рассказ о Гражданской войне в России – вооруженном конфликте, характеризующемся продолжительными, сложными и крупномасштабными боевыми операциями, все же невозможно совершенно ничего не рассказать о первых годах существования Красной армии. Тем более что многие из ее характерных черт и недостатков, появившихся в ходе Гражданской войны, будут проявляться и в январе 1941 года, когда Жуков займет пост начальника Генерального штаба, и в еще большей степени в тот момент, когда наступление вермахта поставит ее на край пропасти.

Ни один из главных большевистских вождей не служил в царской армии и абсолютно не разбирался в военных вопросах, за исключением разве что Троцкого, бывшего военным корреспондентом во время Балканских войн и имевшего хоть какие-то, пусть и очень ограниченные, представления о военном деле. На конференции большевистских организаций в июне 1917 года, в порыве идеализма, смешанного со страхом перед бонапартизмом, было принято решение о ликвидации постоянной армии и замене ее народным ополчением. Но, демобилизовав старую русскую армию, Ленин столкнулся с необходимостью защищать свое новое государство от множества врагов, и реальных, и потенциальных: от бывших союзников – французов, британцев, американцев, японцев, чехов, от германских и австро-венгерских армий, от внутренних врагов – белых, зеленых, эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов всех мастей… Поэтому уже 28 января 1918 года он подписывает декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии. Поначалу эта армия представляла собой наспех объединенные отряды Красной гвардии, небольшие банды, состоящие только из пехоты, заинтересованные исключительно в обороне своего города или губернии и проникнутые «духом партизанщины». Формировалась она «исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства». Командиры выбирались, воинские звания были упразднены, различия между политикой и военным делом фактически отменены.

Ленин очень скоро излечился от своего идеализма в военных вопросах. В феврале 1918 года он ожидал притока в армию 300 000 добровольцев, воодушевленных революционными идеями, подобно массовому порыву французских санкюлотов во II году Республики; реально же в армию записалось 20 000, по большей части маргиналов, безработных и беженцев. После того как в середине февраля переговоры в Брест-Литовске были временно прерваны, насчитывавшей 198 000 человек РККА пришлось столкнуться с тридцатью германскими дивизиями, которые разгромили ее в двадцать четыре часа. Минск пал 21 февраля 1918 года, Киев – 2 марта, Нарва, отстоящая на 160 километров от Петрограда, – 4 марта. Для немцев это стало настоящей военной прогулкой, о которой некоторые генералы вермахта будут с теплотой вспоминать в июне 1941 года. Ленин сделал правильные выводы из этого фиаско и 3 марта подписал «похабный» Брестский мир. Чтобы обезопасить советское правительство, он через девять дней перенес столицу в Москву и, как и Троцкий, поселился в покоях бывшего коменданта Кремля в Кавалерском корпусе, напротив Малого дворца. Он приказал заменить мелодию курантов на Спасской башне. Отныне их колокола будут каждую четверть часа вызванивать «Интернационал» вместо «Боже, царя храни». Но главное – Ленин поручил Троцкому перестроить Красную армию на более традиционных началах.

[76] Из.: Книжка красноармейца, в ППР I. С. 47–48.

В качестве народного комиссара по военным делам Троцкий проделал огромную работу, которая в конечном счете принесла его лагерю победу в Гражданской войне после трех с половиной лет сражений. Этой победой большевики были обязаны не столько военным талантам своих полководцев, сколько политическим ошибкам и разобщенности своих политических противников, а также своей способности привлечь на свою сторону крестьянские массы и самопожертвованию членов партии, преданных идее. Перед наркомом Троцким стояло бесчисленное множество проблем: хаос в управлении, внутренние свары в большевистском руководстве, беспрецедентный экономический кризис в стране, сжимавшееся вокруг Советской республики кольцо фронтов.

В организационном плане Красная армия с первых дней существования оказалась под двойной, бюрократической и политической, опекой со стороны правительства, Советов и партии. Переплетение компетенций распутать было невозможно, и Троцкий удерживал управление только за счет расширения собственных полномочий. Этот управленческий хаос, возникший из-за страха власти перед возможностью военного переворота, способствовавший беспорядку, безответственности и неэффективности, подогревался борьбой личных амбиций и различных теорий.

Эта новая армия, в которую вступил Жуков, была, очевидно, первой в истории армией, напрямую контролируемой политической партией. Она была создана для защиты власти этой партии, и это является одним из двух ключей к пониманию ее сути. Другим ключом является существовавшее внутри ее и в душе каждого офицера противоречие между безоговорочным подчинением партии и профессиональной компетентностью. Только разобравшись в двух этих моментах, читатель сможет понять и судьбу Жукова, и всю сумбурную историю РККА, большую чистку 1937–1938 годов и катастрофический разгром лета – осени 1941 года.

Первоначально набор и служебный рост в РККА были обусловлены преданностью делу партии, хотя партийные ценности и цели не совпадали с армейскими. Само понятие военного профессионализма находилось у властей под подозрением. Этому можно найти лишь одно объяснение: страх, что верность армии перевесит верность партии. Жуков узнает это, дважды заплатив за постижение этой истины карьерой. Он более, чем любой другой советский военачальник, будет разрываться между своим долгом перед партией – а Жуков всегда останется коммунистом – и долгом перед армией, перед ее ценностями, ее нуждами, ее репутацией.

К тому моменту, когда Жуков 1 октября 1918 года вступил в РККА, Троцкий уже принял самые важные решения. Была восстановлена дисциплина, отменена выборность командиров – по крайней мере, теоретически, распущены солдатские комитеты, восстановлены смертная казнь и военные трибуналы. Командир вплоть до батальонного уровня располагает всей полной власти. До дивизионного он разделял ее с комиссаром. В армиях и фронтах власть разделена между командующим, его начальником штаба и комиссаром; эта тройка образовывала Революционный военный совет (РВС).

Вместо того чтобы назначать на командные должности политически лояльных, но совершенно некомпетентных в военном деле рабочих и беднейших крестьян, Троцкий широко открыл двери в Красную армию для бывших царских офицеров, получивших название военспецов (военных специалистов), и, постепенно, для всех крестьян, исключая кулаков. Первые поставят на службу делу свои профессиональные навыки, вторые станут пушечным мясом. Численность РККА быстро росла: 650 000 человек к моменту вступления в нее Жукова, более миллиона к Рождеству 1918 года, 3 миллиона в 1919 году. В 1920 году она достигает своего исторического максимума до Великой Отечественной войны – 5,5 миллиона военнослужащих. Тем не менее эти цифры не должны вводить нас в заблуждение: каждый год из Красной армии дезертировали сотни тысяч человек, а две трети оставшихся не занимались ничем иным, кроме поисков продовольствия, снаряжения и новобранцев. На стороне красных никогда не сражалось одновременно более 700 000 бойцов, на стороне белых – на треть меньше. Историк

Орландо Фиджес[77] доказал, что Красная армия была слишком многочисленной. Российская экономика не могла прокормить, вооружить и обучить такую массу людей, из-за чего периодически происходили массовые дезертирства голодных людей.

Кавалерист, засидевшийся в казарме

Большинство этих проблем так или иначе отразилось на судьбе Жукова. Период с весны 1918 года по конец осени 1919-го является одним из самых темных в его биографии. Хронологические ориентиры отсутствуют, и единственным источником информации остаются «Воспоминания». А источник этот удручающе скуден. На дюжине страниц, на которых маршал излагает общую историю Гражданской войны, он указывает всего две даты, относящиеся лично к нему: 1 марта 1919 года и начало июня 1919-го. Первая – время его вступления в партию, вторая – его первый бой с белоказаками за станцию Шипово, недалеко от Уральска, на границе современных Казахстана и российского Урала. То есть между поступлением Жукова в Красную армию и началом боевых действий полка, в котором он служил, прошло восемь месяцев.

Одним из немногочисленных источников, позволяющих хотя бы частично реконструировать данный период в жизни Жукова, является история соединения, в котором он служил: Московской кавалерийской дивизии. Приказ о ее формировании был издан Высшим военным советом 19 июня 1918 года. Ядром стали добровольцы – военнослужащие бывшей 2-й кавалерийской дивизии императорской армии. К моменту вступления в нее Жукова в октябре 1918 года она получила свое новое название: Московская кавалерийская дивизия.

Соединение включало четыре полка. 1-й был быстро отправлен на фронт. 2-й в ноябре переведен в Тамбов для подавления крестьянского восстания. 3-й, сформированный в Калуге, был в феврале 1919 года переведен в Кирсанов, в богатый зерновой район близ Тамбова, где его легче было прокормить. 4-й полк, в котором служил Жуков, был создан из остатков 4-й кавалерийской дивизии царской армии 10 октября 1918 года и размещался в Октябрьских казармах у печально знаменитого Ходынского поля. Жуков находился в новой советской столице в течение почти восьми месяцев, притом что Троцкий повсюду искал солдат для пополнения армии. Чем объяснить столь продолжительный период пассивности?

Причин много. Первая – трудность с обеспечением конницы снаряжением, оружием и, главное, конями. Традиционно армия получала лошадей из южных степей европейской части России, Сибири и предгорий Кавказа, а все эти районы в тот момент находились под контролем белых. Наркомат по военным делам буквально нищенствовал: не было ни обмундирования, ни сапог, ни ботинок; разбегавшиеся в 1917 году солдаты разграбили склады и унесли с собой все, что можно. По приблизительным подсчетам до 60 % бойцов Красной армии ходили в гражданских обносках[78]. Троцкий привозил на своем личном поезде обувь и буханки хлеба колеблющимся частям, чтобы побудить их идти в атаку. От запасов продовольствия зависят и численность личного состава, и его готовность сражаться. А продовольственный паек тогда опустился до крайне низкого уровня: 400 граммов хлеба в день в январе 1918 года – до уровня конца 1916 года; такая ситуация с продовольствием стала непосредственным поводом к февральскому бунту 1917 года в Петрограде. Жуков подтверждает: «Помню момент выгрузки на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, скупили там караваи хлеба и тут же начали их уничтожать, да так, что многие заболели. В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой»[79]. В

[77] *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization During the Russian Civil War 1918–1920 // Past & Present. № 129. Novembre 1990. P. 168–211.

[78] *Figes O.* Op. cit. P. 168–211.

[79] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 48.

результате каждую ночь из воинских частей исчезали люди, возвращавшиеся к себе в деревни или сбивавшиеся в банды, промышлявшие грабежами.

Вторая причина задержки Жукова в Москве – практически полное отсутствие в красной кавалерии офицеров. Все они – на две трети казаки, на треть русские и прибалтийские дворяне, за буквально единичными исключениями, – перешли на сторону белых. Советские руководители не должны этому удивляться, ведь кавалерия считалась у них самым консервативным родом войск. Поэтому командный состав набирался из бывших пехотных офицеров, которым самим приходилось учиться, и из бывших унтер-офицеров, вроде Жукова. Следует отметить, что, поскольку старые чины в Красной армии были отменены, Жуков из младшего унтер-офицера превратился в рядового красноармейца (слово «солдат» в РККА было под запретом). Но через несколько недель, благодаря своей компетентности и авторитету, он занял пост командира отделения (10 человек), что примерно соответствовало его прежнему званию. Наконец, еще одна, последняя, но немаловажная причина затянувшегося пребывания дивизии в Москве: новая власть не считала формирование кавалерийских частей приоритетной задачей. В Первой мировой войне кавалерия царской армии не совершила ничего выдающегося, и это как будто подтверждало мнение Троцкого о ней как «третьестепенном» роде войск[80]. Это было страшным заблуждением, и он поймет свою ошибку только в сентябре 1919 года, когда бросит знаменитый лозунг: «Пролетарий, на коня!»

Итак, Московская кавалерийская дивизия формировалась медленно и с трудом. Дело ускорилось весной 1919 года, в связи с наступлением войск адмирала Колчака, верховного вождя контрреволюции. Его силы наступали из Сибири на Поволжье, чтобы оттуда двинуться на Москву. Две белые казачьи дивизии разгромили 4-ю армию красных, соединенную с 1-й армией в «Южную группу» под командованием Фрунзе. 25 апреля они овладели городом Уральск, прикрывающим дорогу на Саратов и являющимся воротами в Казахстан. Затем казаки начали наступление на крупный железнодорожный узел Ершов. Фрунзе приказал держаться во что бы то ни стало. Среди соединений, находившихся у него в подчинении, была и Московская кавалерийская дивизия, наконец-то сформированная, сосредоточенная в одном месте и отправленная в распоряжение 4-й армии. Ночью полк Жукова подняли, погрузили в эшелоны, и 17 мая 1919 года он прибыл на станцию Ершов.

За время Гражданской войны в дивизии, где служил Жуков, сменилось семь командиров – Жуков не называет по фамилии ни одного из них. Она никак не отличилась в боях и не приобрела той славы, которую завоевали Первая конная армия Буденного, 2-я Конная армия Филиппа Миронова, 3-й корпус Гая и 2-й корпус Бориса Думенко, каждый из которых на том или ином этапе сыграли решающую роль. Большинство биографов Жукова и историков Гражданской войны[81] приписывали ему переход в Конармию Буденного. Это помогло бы объяснить, в частности, его дружеские отношения с Буденным в 1930-х годах и то, что он выжил в большой чистке 1937–1938 годов. Но принадлежность Жукова к «клану конармейцев» Ворошилова – Буденного – Тимошенко – чистейший вымысел.

Решающий момент: вступление в партию

За те девять месяцев, что Жуков провел в московской казарме, в его жизни произошло событие, имевшее для него решающее значение. В своих мемуарах и в автобиографии 1938 года он утверждает, что в октябре 1918 года он состоял «в группе сочувствующих, готовясь к

[80] *Trotski L.* Op. cit. P. 212.

[81] Один из последних по времени, Эван Моудсли в своей работе The Russian Civil War. Birlinn, 2008. Что еще более удивительно, Стивен Браун, историк Первой конной армии, совершает ту же ошибку. Точно так же Роберт Конквест в The Great Terror и Джон Эриксон в Stalin's Generals.

вступлению в члены Российской Коммунистической партии (большевиков)»[82], а 1 марта 1919 года стал полноправным членом партии. Один из современных биографов маршала, Валерий Краснов, опровергает эту дату. В качестве доказательства он цитирует протокол собрания парторганизации Рязанских кавалерийских курсов, не имеющий даты, но определенно составленный после 8 мая 1920 года. В нем говорится, что кандидат Г.К. Жуков принят в партию девятью голосами из девяти. Почему же Жуков называет в своих мемуарах дату 1 марта 1919 года? Потому, объясняет Краснов, что это дата его приема в кандидаты в члены партии. Другим объяснением может стать первая массовая чистка партии. 1 июля 1919 года все члены партии должны были сдать свои партбилеты, уплатить просроченные взносы, заполнить новые формуляры и найти двух человек, которые дали бы им рекомендации. Этот процесс, растянувшийся до 1920 года, контролировал лично начальник Политуправления (ПУР) Реввоенсовета Ивар Смилга. Возможно, товарищ Жуков стал жертвой этого бюрократического мероприятия, сократившего численность партии с 350 000 членов в марте 1919-го до 150 000 в августе[83]

[82] *Жуков Г.К.* Указ. соч. 1-е изд. С. 52–53.

[83] *Rigby T.H.* Communist Party Membership. P. 71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.